

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ВЕРНИСЬ РАДИ МЕНЯ

ХЭЙДИ ПЕРКС

Психологический триллер (АСТ)

Хейди Перкс

Вернись ради меня

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Перкс Х.

Вернись ради меня / Х. Перкс — «Издательство АСТ»,
2018 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-116653-3

Стелла Харви потрясена: в саду дома, где она родилась и провела детство, найдены человеческие останки. Останки Айоны Биркс – девушки, приехавшей когда-то на родной остров Стеллы на отдых... Что же произошло тогда на острове, где, казалось бы, все жители знают друг о друге всё? Неужели один из этих мирных, респектабельных, дружелюбных провинциалов – жестокий убийца, годами ускользавший от правосудия? Но кто? Эти вопросы не дают Стелле покоя. Она возвращается на остров и начинает собственное расследование, еще не подозревая, как далеко могут зайти люди, чтобы защитить свои секреты. Особенно если скрывают смертельную тайну...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-116653-3

© Перкс Х., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Остров Эвергрин	6
Настоящее	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Остров Эвергрин	31
Настоящее	35
Глава 7	35
Остров Эвергрин	40
Настоящее	43
Глава 8	43
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Хэйдн Перкс

Вернись ради меня

© Heidi Perks, 2018

© Перевод. О. Мышакова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Остров Эвергрин 9 сентября 1993 года

Мы уезжали в шторм. Море вздымалось гигантскими валами разъяренных волн, ливень лупил по ногам не хуже пуль. Папа наверняка знал, что в такую погоду на материк не переправляются, однако, стоя в лодке, отчаянно взмахивал рукой, чтобы мы могли схватиться за нее и спуститься. Капюшон его красного дождевика сорвало, мокрые волосы облепили голову. Перекрикивая ветер, отец требовал, чтобы мы садились, но мы застыли на краю причала.

Лодку раскачивало так, что трос скрипел, и я заметила, как другой рукой папа крепче вцепился в стальной поручень лестницы.

– Стелла, спускайся! – позвал он.

Над головой оглушительно раскатился гром, и небо словно раскололось ослепительными изломами молний. Сзади, между высоких сосен, на секунду отчетливо показался наш дом, будто в фильме ужасов. Я крепче прижала под плащом своего серого мишку. Мне не хотелось покидать единственный дом, который я знала, однако я еще не видела папу таким решительным: стиснутые челюсти, желваки на скулах. Я даже не подозревала, что он может быть таким неумолимым и требовательным, и невольно попятилась.

– Я никуда не поеду! – закричала стоявшая рядом Бонни. – Мы все погибнем!

Она придерживала под горлом низко надвинутый капюшон, но я могла различить ее призрачно-бледное лицо в лунном свете. Сестра всю жизнь мечтала уехать с острова, но не так же!

– Никто не погибнет, нужно ехать! – крикнул папа в ответ. Повернув голову ко мне, он добавил чуть мягче: – Все будет в порядке, обещаю.

Папина лодка, на которую мы должны были перебраться, последние шестнадцать лет служила ему паромом. Отец ежедневно за полчаса преодолевал на ней расстояние между Эвергрином и Пул-Харбором, и, если кто-то и мог доставить нас на материк целыми и невредимыми, так это он. Но мы никогда не выходили в море в такую погоду. Мама вообще не выпускала нас из дому в грозу.

– Ну почему нельзя подождать до утра? – взмолилась Бонни.

Я со страхом смотрела на бушующее море – белая пена яростно летела в нас, как плевки.

– Потому что... – начал папа. – Господи, да лезьте уже в лодку, обе! – он протягивал руку то мне, то сестре, поглядывая через мое плечо туда, где мама спускалась по причалу. Опустив голову и спрятав руки под пластиковое пончо, она катила за собой чемодан.

– Где Дэнни? – закричал отец, когда очередная вспышка молнии осветила все вокруг, заставив нас с Бонни подпрыгнуть. Я принялась считать, но успела сказать лишь «два», как оглушительно бабахнул гром. Буря надвигалась все ближе.

Брат нехотя тащился за мамой, закутанный в бесформенный черный плащ, свисавший до земли с его неуклюжего тела.

Бонни снова закричала, указывая на море, где между вздымавшимися огромными валами зияли глубокие провалы. Такого мне еще не приходилось видеть. Новый оглушительный треск расколол воздух, и я взвизгнула, когда крупная ветка с одной из сосен упала рядом. Я отпрыгнула, и порывистый ветер понес ветку по пристани.

На секунду папа замолчал, провожая ее глазами. По моим мокрым от дождя щекам текли слезы – сердце разрывалось при мысли покинуть любимый остров. Мне страшно хотелось, чтобы папа понял – что бы там ни было, оно того не стоит.

– Дэвид, я думаю, нам следует подождать, – произнесла мама срывающимся высоким голосом, глядя на море. – Уедем на рассвете...

Мы затаили дыхание, но отец оторвал глаза от упавшей ветки и гневно уставился на маму:

– Нет, Мария, мы едем немедленно!

– Да что случилось? – вмешалась я. Папа всегда был ласковее и покладистее мамы, позволял нам поиграть лишних полчаса или съесть шоколадное печенье, даже если мы уже почистили зубы. – Мама!

Почему она больше не пытается его остановить? Она лучше, чем кто-либо другой, понимала, что этот остров был частью меня. Я не выживу без Эвергрин! И мама любила его не меньше.

Она взглянула на меня. Страх, плескавшийся в ее глазах всего мгновение назад, сменился пугающей бесстрастностью.

– Мама... – повторила я дрогнувшим голосом, ожидая, что она велит нам возвращаться в дом. Однако вместо этого твердая мамина ладонь направила меня к сходням. На последней ступеньке я остановилась, но мама подтолкнула сильнее, и мне ничего не оставалось, кроме как пробежать вперед, оставив без внимания протянутую папину руку. Я с размаху села на одну из скамеек под навесом.

Дэнни молча сошел в лодку и сел позади меня, отвернувшись к оконцу. Он не смотрел ни на кого из нас, хотя в этом не было ничего необычного.

– Я не хочу ехать, – заявила я, поочередно заглядывая в лица старших. Только Бонни посмотрела на меня, присаживаясь рядом. Я чувствовала, как дрожала ее нога возле моей, – впервые мы с сестрой были так близки.

Сбросив капюшон, я в отчаянии глядела на остров через поцарапанное стекло нашей лодки, которую нещадно хлестал дождь. Мое сердце разделилось надвое – казалось, что одна его половина осталась на острове.

Слезы еще текли по щекам, когда от ураганного ветра лодка сильно накренилась. Бонни вскрикнула. Я за что-то схватилась, чтобы не слететь с лавки, и выронила своего серого мишку. Может, сестра и права и мы не доберемся до материка, но отчего-то папа твердо решил попробовать. Мне стало все равно, утонем мы или нет.

В одиннадцать лет я была не готова принять наскоро придуманные родителями объяснения нашего внезапного бегства с острова. Я не верила, что это к лучшему, и не понимала, почему нас куда-то тащат в такой шторм.

– А мы вернемся? – прошептала я сестре.

Дрожащая рука Бонни нашла под дождевиком мою.

– Нет, – ответила она, – не думаю, что мы когда-нибудь вернемся.

Настоящее

Глава 1

Мои клиенты сидят на диване: ее руки намертво скрещены на груди, а он сидит, подавшись вперед и опустив сцепленные кисти между широко расставленных ног. Расстояние между супругами такое, что я легко уместилась бы между ними, и на каждом из сеансов они отодвигаются друг от друга все дальше.

Женщина так сжала зубы, что на ее скулах заметны желваки. Я удивляюсь, что сегодня она не плачет – на прошлых консультациях не обходилось без слез. Муж то и дело бросает взгляды на супругу, и всякий раз у него дергаются брови, будто он либо задается вопросом – когда все так разладилось, либо соображает, что предпринять.

– Я не знаю, что еще сказать, – мямлит он. Жена с усмешкой качает головой, еле слышно что-то буркнув. – Ну, прости меня, – спохватывается он.

– О Господи! – кричит она, вскидывая взгляд к потолку. Видимо, сегодня решила удержаться от слез во что бы то ни стало.

Ненавижу этот момент, однако минутная стрелка миновала цифру шесть – Таня уже ждет, чтобы закрыть офис. Администратор уходит последним.

– Боюсь, что... – начинаю я, но клиентка, не дослушав, вскакивает с дивана и хватается за кардиган, уныло свисающий с подлокотника:

– Знаю, наше время истекло.

– Мне очень жаль, – говорю я искренне. Я готова повести их в паб и позволить выговориться, но это абсолютно непрофессионально. – Может быть, в заключение вы хотите что-нибудь сказать?

– По-моему, сегодня он сказал достаточно.

Муж, закусив губу, поднимается и, не глядя на меня, подбирает куртку.

– Вам доводилось раскаиваться в том, что вы спросили о чем-то, чего не желали знать? – тихо произносит клиентка, идя к дверям.

– А вам? – спрашиваю я.

Она делает едва заметное неопределенное движение головой.

– Теперь я уже не могу этого не знать, не так ли?

Я киваю. Да, отныне ей придется жить с осознанием, что муж ей изменил. Я раздумываю, не предложить ли клиентке прийти на следующий прием одной, но она уже говорит с Таней, записываясь на совместную консультацию через неделю.

Когда супруги уходят, я запираю кабинет и подхожу к столу администратора. Таня, поправляя очки с толстыми стеклами, что-то резво печатает на клавиатуре и не поднимает взгляд, пока я не подхожу к ней почти вплотную.

– Я, пожалуй, пойду, – говорю я. – Простите, что задержалась.

Звонит телефон. Таня смотрит на часы, но берет трубку.

– Офис Стеллы Харви!

Я до сих пор испытываю удовольствие, слыша эти слова. Пока администратор объясняет структуру цен на прием у семейного психолога, я в который раз прикидываю, сколько могла бы сэкономить на ее жалованье. Таня, так сказать, идет в счет аренды – соседние кабинеты

снимают физиотерапевт, педикюрша и целитель рейки ¹, но ни один из нас не работает полный день, и я не верю, что мы не можем обойтись без администратора.

Повесив трубку, Таня поворачивается к компьютеру, чтобы закрыть программу.

– Потенциальные клиенты, – сообщает она. – У молодых супругов проблемы с дочерью.

Они собираются перезвонить на следующей неделе.

– Спасибо. Какие планы на выходные?

– Мы с Майком едем к его родителям. А у вас?

– Завтра обедаю у Бонни.

– Как она поживает? – Таня поднимает брови.

Я смеюсь.

– У нее все отлично. Муж в отъезде, вернется через пару дней, – зачем-то добавляю я, хотя не могу и предположить, как скажется на Бонни отсутствие Люка: обрадует ее это обстоятельство или, наоборот, разозлит.

Таня кивает, поджав губы, без сомнения вспоминая тот единственный раз, когда она встретила с моей сестрой. Таня явно не была очарована, но я давно перестала беспокоиться о защите Бонни. В какой-то момент мне стало безразлично, что думают о ней другие. Я потеряла почти всех близких, поэтому меня нельзя винить за желание общаться с сестрой.

Кроме того, никто никогда не понимал наши отношения. Даже я не смогла бы объяснить все нюансы. Мы полные противоположности, но восемнадцать лет назад, после ухода Дэнни, я поклялась, что никогда не брошу сестру. Тогда мне впервые пришло в голову – может, Бонни не виновата, что она такая?

В детстве мама, думая, что я сплю, заходила поправить мне одеяло. Она опускалась возле кровати на колени, и я чувствовала на лице ее теплое дыхание, а обволакивающий аромат «Шанели» еще долго ощущался в комнате.

– Стелла, мое дитя, – шептала она, мягко поглаживая меня по волосам. – Мне бы вполне хватило одной тебя...

Может, на Бонни мамы просто не хватало.

Мы с Таней вместе выходим из офиса. Она поворачивает направо, а я перехожу улицу, чтобы срезать дорогу через парк, мимо собора. До моей квартиры на окраине Манчестера идти двадцать минут.

Мне нравится ходить пешком, даже в январе, когда улицы освещают только фонари и от холода горят щеки. На ходу я обдумываю сессии, намеченные на следующую неделю, и, как всегда по пятницам, даю себе слово уделять больше внимания развитию собственного бизнеса.

Решение стать семейным психологом и открыть частный кабинет я приняла не под влиянием минутной прихоти. Я не из тех людей, кто с раннего детства знает, кем станет, хотя в школе была круглой отличницей. Понадобилось десять несчастливых лет в компании по подбору персонала и неплохой бонус в связи с сокращением, чтобы решиться.

Одиннадцать месяцев назад я прошла обучение и обязательный курс психотерапии. Мой преподаватель с самого начала подчеркнула важность этого этапа: детские психологические травмы или нерешенные проблемы прежних отношений способны исказить мои суждения и сделать консультирование необъективным.

Я попыталась увильнуть, но безуспешно, и поняла, что если продолжу отказываться, это вызовет недоверие. Немалую часть своей биографии я аккуратно разложила по «коробочкам» и глубоко их спрятала. В нашей семье это отлично умели делать все, я училась у настоящих виртуозов. Правда, это шло вразрез с тем, чего я ожидала от своих клиентов.

– Почему вас привлекает семейная психология? – было первым вопросом, который задала мне психотерапевт.

¹ Рейки – вид нетрадиционной восточной медицины. – *Примеч. ред.*

Я ответила, что у меня было очень счастливое детство, любящие родители и идиллическая жизнь на Эвергрине, что меня интересуют семейные отношения и я считаю, что обладаю врожденной способностью выслушивать и помогать. В целом я рассказала правду, опустив только отъезд с острова и несколько дней перед этим.

Консультант, как и большинство людей, сразу заинтересовалась Эвергрином.

– Неужели там живут всего сто человек? – изумилась она.

Я кивнула:

– Сто с чем-то. Я всех знала, и все знали меня.

Услышав в моем голосе искреннее восхищение, она уставилась на меня с открытым ртом.

– Мне правда нравилось, – засмеялась я. Кому-то в такой обстановке покажется тесно, но для меня на земле не было лучшего места, чем Эвергрин.

– А вы не чувствовали себя отрезанными от мира?

Еще один популярный вопрос. Хотя на пароме до материка всего полчаса, с побережья Дорсета Эвергрин не видно.

– Я – нет, – ответила я.

А вот моя сестра ходила мрачнее тучи, когда зимой сообщение с Большой землей ограничивалось единственным рейсом папиного парома в день. Впрочем, Бонни всей душой ненавидела остров, который я обожала.

– Вы говорите, что на момент отъезда вам исполнилось одиннадцать? – продолжала психотерапевт. – А сколько лет было вашим брату и сестре?

– Дэнни пятнадцать, а Бонни семнадцать, – сообщила я. – Я – младшая.

Консультант кивнула, хотя я не поняла, что она для себя вывела. Широко улыбаясь, я прикидывала, как бы не сболтнуть лишнего, когда она станет интересоваться нашим последним летом на острове и годами после нашего отъезда. Она захочет узнать, отчего распался брак моих родителей, а я не смогу ей ответить. У всех нас были свои секреты, которые каждый держал при себе. Мы никогда не говорили о них, и в конце концов они раскололи нашу семью на части.

Я хотела помогать людям разговориться, потому что на молчании наша семья и споткнулась, но я не собиралась выкладывать это психотерапевту. Вместо этого я кратко рассказала, как сложилась наша жизнь после отъезда с острова, упомянув лишь голые факты.

От воспоминаний о нескольких консультациях, которые мне пришлось вытерпеть, меня отвлекают первые увесистые капли дождя. Приходится зайти в первый же магазин, чтобы не промокнуть: видимо, зонтик остался в офисе. Бродя вдоль винных стеллажей маленького универмага в ожидании, когда стихнет дождь, я выбираю белое «Совиньон» за семь фунтов.

Придя домой, я наливаю себе бокал и сажусь у окна, наблюдая, как частые капли усеивают стекло. Несмотря на то, что у меня мало дел на выходные и я, строго говоря, работаю не пять дней подряд, на душе все равно ощущение пятницы. Я с удовольствием думаю, как сейчас допью «Совиньон» и приготовлю карри, а потом поднимусь к Марко, который живет этажом выше, и мы выпьем с ним еще по бокалу. Так я и делаю, при этом не поддавшись на уговоры пойти с ним в клуб.

К себе я возвращаюсь только в десять, но спать еще не хочется, поэтому, устроившись на диване, я укутываюсь в плед и включаю телевизор, рассеянно листая журнал.

Начинаются новости, и я поднимаю взгляд на экран: девушка-репортер стоит перед неким домом, держа большой зонт, – ветер яростно треплет ее волосы, собранные в «конский хвост». Я смотрю на бегущую строку и снова на девушку. Сперва я не замечаю ничего особенного и уже собираюсь вернуться к журналу, когда кое-что в кадре привлекает мое внимание.

У камеры необычный ракурс, но в верхнем углу экрана отчетливо видно характерное окно – круглое, с матовым стеклом. Не веря своим глазам, я подаюсь вперед, хватаю пульт и

прибавляю громкость, чтобы сквозь бешеный стук в висках расслышать, что говорит журналистка.

Странно, как я сразу не узнала наш дом, навсегда отпечатавшийся в моей памяти до мельчайших деталей. Мне достаточно только подумать о нем, и я смогла бы нарисовать его во всех подробностях с разрешением в тысячу пикселей. Впрочем, дом уже не совсем похож на себя.

Внешние подоконники выкрашены в насыщенный бирюзовый цвет, а когда камера поворачивается, я разглядываю белые, в колониальном стиле, карнизы под сточными желобами и пристроенную спереди оранжерею. Дом сильно изменился, однако это, несомненно, он: белый штaketник слева ставил отец, чтобы отделить двор от тянувшейся с краю общей тропы. Справа по-прежнему шумят высокие сосны.

Сквозь шум в ушах я сосредотачиваюсь на словах журналистки.

– Судя по всему, жители острова напуганы произошедшим.

Я перевожу взгляд на бегущую строку, едва успев прочесть: «...острове вчера ночью». Далее следуют новости о Сирии, но уже очень скоро телерепортеры вновь возвращаются к сенсации на острове.

– Значит, других подробностей полиция пока не сообщает? – спрашивает диктор в студии. На экране появляется наш сад и белый полицейский тент, аккуратно уместившийся как раз между домом и деревьями, отделявшими наш участок от опушки леса.

– Пока нет, но эксперты работают с раннего утра, – отзывается корреспондент.

В бегущей строке идет повтор: «Тело найдено на острове вчера ночью». Я до хруста стискиваю руки, желая, чтобы кровь поднялась к неприятно немеющим предплечьям.

На острове нашли тело. Хотя корреспондент не сообщила прямо, я поняла, что останки были зарыты в саду за нашим домом.

Глава 2

С болезненным любопытством я ловлю все новые обрывки новостей: нынешние хозяева задумали сделать пристройку к дому и копнули, получается, глубже, чем ожидали. Накануне вечером один из строителей заметил в земле кости, оказавшиеся человеческой рукой, а рядом, соответственно, лежало остальное.

Журналистка сообщает, что событие ошеломило как строителей, так и владельцев дома. Зайдя за белую палатку полицейских экспертов, она показывает точное место, где были найдены останки. В потрясении уставившись на экран, я подмечаю каждую мелочь, невольно комкая свой мягкий джемпер. Любому, кто не знает остров, может показаться, что яма буквально у нас за домом, но я, уроженка Эвергрин, отлично вижу, что тело зарыли за садом, где уже начинается лес.

Дело в том, что на Эвергрине у большинства домов нет заборов, отделяющих частную территорию от общей. Там, где жили мы, – в Квей-хаусе, «Доме у причала», построенном в двух шагах от пристани, – папа в конце концов поставил штaketник с той стороны, где непосредственно под окнами проходила общая тропа. А с трех остальных сторон мы ориентировались по деревьям, потому что границы на острове – понятие условное. Неискушенный зритель решил бы, что тело было зарыто в саду, и именно так это пытаются преподнести телевизионщики.

Я не могу оторвать глаз от экрана, потому что сегодня я вижу наш дом впервые с той ночи, когда мы в спешке уехали с острова.

Нашарив телефон, я дрожащими пальцами набираю номер Бонни и подношу трубку к уху. Сестра отвечает за секунду до того, как у нее включается автоответчик:

- Да!
- Новости видела?
- Нет, мы уже ложимся. Люк приболел, и...
- Включи телевизор, – перебиваю я. – Би-би-си.
- Ладно, ладно, дай мне минутку, – бурчит сестра.

Я представляю, как она идет в кухню и включает маленький плоский телевизор, висящий на стене над стойками.

- Боже мой! – ахает она. – Это что, наш дом?
 - На острове нашли тело, – произношу я. – Прямо за нашим садом.
- Бонни молчит.

- Почти что в саду, – отзывается она наконец.
 - Неправда, приглядишься, там уже опушка леса!
 - Черт побери... Кого же там зарыли?
 - Они не сказали. Почти никаких подробностей.
- Слышно, как Бонни втягивает воздух сквозь зубы.

– Даже не сообщили, мужчина это или женщина, хотя уже наверняка установили, раз криминалисты возьмется с утра.

– Ну, на острове-то знают, кто это, – говорит сестра. – Боже мой, – добавляет она с коротким смешком, – представляешь, что там сейчас начнется? Налетят, как стервятники!

– Должно быть, это для них ужасно, Бонни.

– Да на этом острове задницу не почешешь без того, чтобы сразу все не узнали! Когда у меня началась менструация, все мальчишки знали об этом через двадцать четыре часа!

Бонни права. Я не могла и ногой поболтать над обрывом без того, чтобы мама не узнала об этом прежде, чем я успевала вернуться домой. Дэнни не мог свалиться с дерева, где он

прятался, чтобы на острове не начали шептаться. Впрочем, к Дэнни всегда проявляли повышенный интерес.

– Это сделал кто-то из местных, – вдруг заключает Бонни, увлеченная происходящим, точно мы наблюдали какой-то спектакль.

– Еще неизвестно.

– Да брось ты. Кто станет туда приезжать и закапывать труп?

Я не нахожу ответа, но сама идея мне не нравится.

– Как думаешь, это кто-нибудь из наших знакомых? – спрашиваю я. – Я про труп.

– Вряд ли. Мы так давно уехали.

Я киваю, однако вслух ничего не говорю.

– Или, – продолжает Бонни с драматической интонацией, – труп мог лежать там все время, пока мы жили в том доме. А мы ходили по могиле и знать ничего не знали. И ведь никто мне не верил, когда я твердила – там что-то неладно!

– Там не было ничего необычного.

– Из ямы, наверное, сейчас достают целую гору останков.

– Бонни!

– Без паники, Стелла, мы не живем там уже четверть века.

– Знаю, но... – Я замолкаю.

– А мне нравится, что они сделали с домом, – заявляет вдруг Бонни.

Я замираю:

– Что ты имеешь в виду?

– Его покрасили, и теперь он выглядит нарядно.

– Да? – говорю я. – Я и не заметила.

Бонни, разумеется, знает, что я лгу. Разве можно не заметить насыщенный бирюзовый цвет, который делает дом удивительно современным и совершенно непохожим на наш?

Сестра фыркает, прежде чем спросить:

– Ты собираешься звонить отцу?

– Наверно.

Я знаю, что должна, но делать этого совершенно не хочется, и не в последнюю очередь потому, что мы с папой больше не говорим про Эвергрин.

– Ты давно разговаривала с ним?

– Да, – отвечаю я, испытывая привычное чувство вины. – Мне давно пора к нему съездить. Может, сделаю это вместо звонка.

– Когда дома не будет ведьмы.

– Оливия, кажется, вышла на работу, и в будни у меня есть шанс с ней разминуться. Может, поедешь со мной? – с надеждой спрашиваю я, хотя заранее знаю ответ.

– Нет, – категорически отрезает Бонни.

– Ладно, позвоню отцу утром, – вздыхаю я, уже ощущая знакомое напряжение – будто что-то сжимает легкие, из-за чего я начинаю дышать с трудом. Да, я хочу поговорить с отцом, однако сейчас уже все по-другому. Он очень изменился и давно не тот папа, каким был на острове моего детства. Изредка мне удастся пробудить в нем прежнюю личность, но я даже не знаю, хорошо мне от этого или еще тяжелее.

– Поневоле задумаешься, скажи? – Голос Бонни в трубке возвращает меня в настоящее.

– О чем?

– Узнаем ли мы, кто это сделал, вот о чем!

Закончив разговор, я продолжаю переключать каналы в поисках новых репортажей об Эвергрине, но больше нигде ничего не сообщают, и я не замечаю, как засыпаю на диване. Во сне, как часто бывает в последнее время, я вижу Эвергрин. Я бегаю по лесу с подружками, мы

беззаботно смеемся, но вдруг они исчезают, и вот уже кто-то преследует меня. Я просыпаюсь с колотящимся сердцем и затекшей шеей.

Остров перестал мне сниться спустя несколько лет после нашего отъезда, однако сны вернулись после нескольких сеансов у психотерапевта, которые мне пришлось пережить во время обучения. Теперь я не знаю, как от них избавиться. Всякий раз, проснувшись, я слышу голос преподавательницы: «Вот почему так важно избавиться от своих демонов!»

Но на Эвергрине никогда не было «демонов». В одиннадцать лет свои счастливые воспоминания на острове я могла бы сложить в пирамиду высотой до неба. На одной из консультаций я вскользь упомянула о разводе родителей, решительно заявив, что проблемы у них начались гораздо позже переезда, когда мы давно перебрались в Винчестер, и отец продал свою душу офису с кондиционером и матовыми стеклами. Я повторила это несколько раз, убеждая заодно и себя, потому что откровенничать была не готова.

Сейчас нет и трех часов утра, надо ложиться досыпать, но я медлю, поглядывая на айпад. В последнее время меня не оставляло желание найти наш дом в Интернете. Вернувшись с первого сеанса у психотерапевта, где мы разбирали Эвергрин подробнее, чем я была готова, я загрузила «Райт мув»², набрала в строке поиска адрес «Дома у причала», но тут же удалила: мне не хотелось видеть наш дом изменившимся.

Однако я искала кое-кого из островитян. Много раз я пыталась найти свою лучшую подругу детства Джилл, но безуспешно. Не принес результатов и поиск Тесс Карлтон и Энни Уэбб, которую в нашей семье звали тетушкой, хотя она не была нам родней. Я не удивилась, что Энни нет в «Фейсбуке», – сейчас ей уже за восемьдесят.

Сны оставляют горечь во рту, и вместо айпада я достаю свой детский альбом, хранящийся в корзине для журналов за диваном. Рассматривание сувениров детства неизменно приносит мне утешение, напоминая о блаженном времени, и сердце постепенно начинает биться ровнее.

Альбом распахивается в том месте, где я остановилась в прошлый раз: посреди страницы коричневым скотчем, закручивающимся на концах, наклеено птичье перо. Я приглаживаю скотч, но едва отпускаю, как его края снова отстают. Однажды я займусь альбомом – заново прошью страницы и надежнее приклею содержимое, прежде чем все окончательно развалится.

Я знаю каждую страницу наизусть, и мне трудно сказать, хранит ли дневник реальные воспоминания об острове или же фотографии и памятные вещицы создали собственную легенду. Переворачивая страницу, я успеваю поймать выпорхнувшую из альбома фотографию.

Моя мама сфотографировала меня и Джилл последним летом на острове: мы сидим на песке, склонив друг к другу головы, и наши кудри спутываются, подхваченные ветром, – мои, позолоченные солнцем, и янтарные локоны Джилл. Переплетаясь, наши такие разные волосы создают нечто удивительно красивое.

Кончиками пальцев я провожу по лицу Джилл. Если закрыть глаза, я отчетливо вспомню ее смех, но на фотографии она даже не улыбается. Мама застала нас врасплох, и я до сих пор слышу, как Джилл настойчиво шепчет мне на ухо: «Никому не говори», прежде чем мама крикнула нам: «Ну-ка, скажите «сыр»!» Интересно, заметила ли мама тогда что-то неладное?

Захлопнув альбом, я делаю глубокий вдох, от которого перехватывает горло. Я держала свое обещание целое лето, но в конце концов не смогла молчать вечно. Возможно, я совершила ошибку, однако сейчас уже поздно об этом думать.

² «Райт мув» (rightmove.co.uk) – крупнейший в Великобритании онлайн-портал недвижимости и веб-сайт недвижимости.
– Примеч. пер.

Глава 3

На следующий день я пытаюсь представить, как будет проходить обед с Бонни: наши разговоры об Эвергрине всегда выходили натянутыми. Я объясняю это тем, что мы относимся к своему детству (а Бонни – и к юности) диаметрально противоположно. Иногда я недоумеваю, как так вышло: родные сестры, а помним совершенно разное.

Бонни открывает дверь и отступает в сторону, пропуская меня в длинный коридор, подальше от дождя, который не прекращался с прошлой ночи.

– Люк совсем расклеился, он уже никуда не едет, – бросает она, обгоняя меня и ведя в кухню, расположенную в задней части дома.

– О, а что с ним?

– Простудился, – Бонни шумно вздыхает. – Лежит в постели и ноет. Я запретила ему появляться в кухне, вдруг у него что-нибудь заразное.

– Да я не боюсь. – Сестра не отвечает, и я продолжаю: – Ты могла бы приехать ко мне, вместо того чтобы держать мужа наверху.

Бонни даже теряет:

– Я же приготовила обед.

Я округляю глаза при виде такой душевной черствости и стягиваю плащ, повесив его на крючок у двери в патио.

– Тебе чаю или кофе?

– Чаю, спасибо.

– Я так надеялась отдохнуть от него в выходные. Он совсем заморочил мне голову!

– Это не новость, – отзываюсь я, жалея беднягу шурина и надеясь, что Люк все-таки спустится поздороваться.

– В последнее время он злит меня больше обычного. Представляешь, записал мальчишек на занятия по боксу! Какого черта он думает, что я мечтаю видеть их боксерами?

Бонни замолкает – ее старший, Бен, заглядывает в кухню.

– Мам, но я хочу заниматься боксом. И ты уже разрешила, – напоминает он.

– У меня пока нет склероза, – бросает сестра, пронзив взглядом своего двенадцатилетнего сына, и отворачивается.

Бен пожимает плечами, а я раскрываю ему объятья.

– Твоя мама волнуется, что тебя поранят, вот и все, – шепчу я на ухо племяннику.

– К тому же это дорогое удовольствие, – желчно замечает Бонни.

Я закатываю глаза, а Бен хитро улыбается.

– Готова поспорить, ты еще подрос, – говорю я. – Ты уже почти с меня ростом.

– Так ты же маленькая, тетя Стелла!

– Эй, – смеюсь я, – во мне пять футов и пять дюймов!

Племянник вечно прохаживается насчет моего роста. Рядом с сестрой, которая на голову выше меня, я действительно чувствую себя лилипутом.

– Ма-ам, – продолжает Бен, – отвезешь меня к Чарли? Дождь идет!

– Не выйдет! Для такого случая мы купили тебе велосипед. До Чарли всего две минуты, и у меня в гостях твоя тетка.

– Я не возражаю... – вмешиваюсь я.

– Нет. У него есть транспорт. И ноги.

– Ну, ладно. Пока, тетя Стелла, – Бен машет мне и уходит.

– Такой красивый мальчик, – восхищаюсь я, когда за ним закрывается дверь. – Они у тебя оба красивые.

– Знаю, – Бонни задумчиво смотрит сыну вслед, затем поворачивается и начинает шарить в шкафах, выставляя чашки. – С ужасом думаю о том дне, когда они приведут домой подружек.

Я придвигаю стул, пока Бонни заканчивает заваривать чай.

– Новостей о найденных останках пока нет, – осторожно начинаю я.

Бонни долго не отвечает, и я уже думаю, что сестра, как обычно, сменит тему.

– Ты позвонила отцу? – спрашивает она.

Я качаю головой:

– Еще нет. Бон, тебе вообще не хочется его увидеть? Разве ты не соскучилась?

Бонни поджимает губы и отводит взгляд:

– У меня с ним были не такие теплые отношения, как у тебя.

– У вас были нормальные отношения, и я не об этом спрашиваю.

– У родителей на меня никогда не было времени, – Бонни проводит ладонью по столешнице.

– Это просто смешно, Бонни. Ты рассказывала мне совершенно другое, – замечаю я, вспомнив редкие мгновенья откровенности Бонни.

– Ну, то было в раннем детстве, когда они вечно пытались меня перевоспитать, – возражает сестра. – А в какой-то момент они махнули рукой – наверно, когда родилась ты, – добавляет она. – Шучу. – Она смотрит на меня поверх чашки: – Во всяком случае, тебя любили больше всех, это было заметно любому.

– Бонни, это неправда.

– Это правда, – сестра резко отодвигает стул. – Но мне давно безразлично. Сейчас поедем. Но у меня только суп.

– Звучит заманчиво, – отзываюсь я, недоумевая, почему Бонни не перенесла нашу встречу, если у нее не было настроения готовить. – А где Гарри? – спрашиваю я про младшего племянника.

– Тоже у приятеля. Клянусь, они проводят больше времени в чужих домах, чем у себя. Я их почти не вижу, – Бонни опускает голову. Очевидно, сестра скучает по своим мальчикам, хотя и не признается в этом. – Должно быть, это в порядке вещей для нормальных городов с нормальными школами. Не представляю, какими бы они выросли, если бы им пришлось жить на маленьком пятачке, как нам!

– Неужели тебе совсем не нравился Эвергрин? – не верю я.

Сестра поворачивает голову:

– Да я его ненавидела! У меня не было жизни, не было подруг...

– Как это? – перебиваю я. – А Айона?

– Ага, только Айона. – Бонни отворачивается к плите. – И всего на одно лето. Я на днях вспоминала Дэнни. – Эта тема настолько редка у сестры, что мое сердце замирает. – Не знаю отчего. Я начала о нем думать неделю назад...

Я не нахожу, что сказать, поэтому молча жду продолжения.

– Хотя вообще-то я вру, – признается Бонни. – Я знаю почему. Как-то раз, когда мои мальчики играли в регби, я заметила на поле странного крупного мальчишку. Он стоял на краю площадки и только смотрел на остальных. Дэнни вел себя точно так же.

Я отрываю уголок у лежащей передо мной салфетки и начинаю скатывать из него комочек между пальцами.

– Наш братец всех пугал, и я его за это ненавидела, – произносит Бонни будто сама себе. Налив супу, она приносит тарелки к столу и возвращается за батоном и ножом.

– У тебя не было к нему неприязни, – тихо возражаю я, когда она присаживается.

Бонни бросает на меня возмущенный взгляд:

– Еще какая! С самого его рождения. Тогда-то все и изменилось: мать стала таскать меня на эти дурацкие игровые занятия в «Останься-поиграй», где какая-то тетка пыталась меня разговорить.

Заинтересовавшись, я собираюсь расспросить подробнее, однако Бонни не остановить:

– До меня искренне не доходило, как ты его терпишь. Я не могла взять в толк, какие темы для разговоров вы находите, сидя в домике на дереве, – вы же там часами торчали!

Так и было, мы сидели там часами, но при этом почти не разговаривали, занимаясь каждый своим делом, как малыши, еще не научившиеся играть вместе. Дэнни рисовал, а я читала или играла с моими Барби.

– Помнишь, как он грохнулся с дерева? Я решила, что он разбился, – вспоминает Бонни. – Он не двигался, так и лежал, – сестра свешивает руки на одну сторону и высовывает язык. У нее получается очень комично – я едва сдерживаю улыбку. – Дэнни подглядывал за нами с Айоной, но под его тушей треснула ветка, и он шмякнулся на землю.

– Смутно припоминаю что-то такое.

Интересно, это было в тот раз, когда Бонни вопила на кухне, жалуясь маме на Дэнни?

– Мне хотелось, чтобы он больше не двинулся с места, но он зашевелился, и я чуть не прикончила его. Он вечно за нами шпионил, чем ужасно смущал меня, – продолжает сестра. – Никто не понимал этого мальчишку.

– Никто и не пытался, – бурчу я.

– Сколько я себя помню, он вечно играл один, катая свои машинки кругами по песку. Я часто спрашивала себя, почему взрослые столько возились со мной, когда было видно любому – это у Дэнни проблемы!

– А когда тебя перестали возить в детский клуб? – спрашиваю я.

– Это в «Останься-поиграй»? – Пожав плечами, Бонни зачерпывает полную ложку супа. – Мне было лет семь. Не знаю, что там произошло, но однажды мать за руку вытащила меня оттуда, заявив, что не хочет больше ничего знать.

– О чем? – удивляюсь я, однако Бонни ничего не объясняет, сославшись на то, что ответов у нее нет. Остается гадать, действительно ли это так или сестру просто не интересует правда.

– А с возрастом он становился все хуже, – Бонни снова переключается на Дэнни. – В последнее лето он был настоящим кошмаром – помнишь ночевку на пляже?

– Еще бы! – Я тоже находилась там, когда Дэнни обвинили в том, что он лапал одну из девочек.

– А как он вел себя с Айоной! – возмущается Бонни. – Я вечно сгорала со стыда за него. Удивляюсь, как она вообще продолжала со мной дружить, ведь Дэнни постоянно крутился возле нее.

– Айона ему нравилась, – произношу я, – потому что относилась к нему по-доброму.

Бонни отворачивается, но я замечаю, как еле заметная тень пробегает по ее лицу.

– На днях я ездила к маме на кладбище, – вдруг говорит она. – Это ты положила на могилу цветы?

Я невольно выпрямляю спину. Мне давно пора привыкнуть к манере Бонни то и дело менять тему разговора, однако на этот раз ей удастся меня удивить. Я не собираюсь отвечать, потому что сестра отлично знает, что я езжу к маме каждую неделю и оставляю цветы.

– Ей бы ужасно не понравилась эта история с трупом на острове, правда?

Я киваю, ощутив странное облегчение оттого, что мама этого не видит.

– Хочешь кофе? – спрашивает Бонни, когда мы закончили обедать.

– Пожалуй, – соглашаюсь я, помогая ей убирать посуду.

– Знаешь, иногда я убить готова за бокал вина, – выдает сестра, глядя на меня в ожидании реакции.

– Бонни, я не знаю, что ты хочешь от меня услышать.

– Да ладно, ты же у нас психолог! Если даже ты ничего не можешь придумать...

– Я консультирую семьи, в которых разладились отношения, а не выздоравливающих алкоголиков.

– А связи ты тут не улавливаешь? – интересуется сестра, сверля меня взглядом. Не дождавшись ответа, она продолжает: – Я не хочу напиваться, просто мне надоедают чай и кофе. – Она недовольно смотрит на чайник. – Кстати, как там твоя работа?

– Хорошо, – отвечаю я. – Я действительно получаю от нее удовольствие.

– Есть интересные клиенты?

– Ты же знаешь, что я не имею права рассказывать, – смеюсь я.

– Родной-то сестре? Что-нибудь пикантное! Имена называть необязательно.

– Нет.

– Зануда, вот ты кто.

– Не сомневаюсь, – улыбаюсь я.

– И ни один мужчина тебе не приглянулся?

– Бонни!

– А как еще тебе с кем-то знакомиться? Разве не идеальная ситуация? Перед тобой мужчины, которые несчастливы в браке. Тебе достаточно подтолкнуть их в правильном направлении!

– Среди клиентов меня пока никто не привлекал.

– И верно, с твоим характером лучше одной, – Бонни наливает горячий кофе в кружки, и мы замолкаем. – Ты не думала разыскать Дэнни?

– Думала, конечно, но я не знаю, с чего начать.

– Как считаешь, мама знала, куда он уехал?

– Без сомнений, – уверяю я, поднося кружку к губам. Я всегда винила маму за то, что она отпустила Дэнни: даже к двадцати двум годам мой брат не созрел для самостоятельной жизни, и я отказывалась понимать, как она могла этого не видеть.

Восемнадцать лет назад я готова была искать Дэнни по всей стране. Я представляла, как мы найдем его дрожащим в темном переулке, сжавшимся в комок, запишем в машину и увезем домой. Но мама только сказала: «Я потеряла его много лет назад».

Возразить было нечего. Мы все обратили внимание, что Дэнни стал еще более замкнутым и отстраненным с тех пор, как мы покинули остров. Правда, никто не интересовался, отчего он больше не прикасается к своему альбому и карандашам.

– Может быть, она поддерживала с ним связь, только скрывала это от нас? – предполагаю я.

– Зачем ей это делать?

– Возможно, он так попросил.

– С чего бы это?

– Не знаю, – устало бормочу я. – Чужая душа – потемки.

Бонни кивает. Я жду, что она скажет что-нибудь о маме, но вместо этого сестра выдает:

– Может, его и в живых-то нет!

Пододвинув мне печенье, она берет одно и кладет в рот целиком, выжидательно глядя на меня.

– Господи, Бонни, ну разве можно такое говорить?

Сестра пожимает плечами, не сводя с меня глаз и сосредоточенно жуя.

– По-моему, мама знала, где он, – задумчиво произносит она наконец. – Я не могу себе представить, чтобы она никогда его не искала.

Вечером, когда в новостях не появляется ничего нового, я беру наконец свой айпад и начинаю просматривать фотографии на различных веб-сайтах, ища знакомые лица.

Меня всегда интересовало, как сложилась жизнь у людей, среди которых я выросла и которые все еще могли оставаться на острове: они были частью моего мира, я не представляла своего существования без них. Приблизив снимок местных жителей, сгрудившихся у белого полицейского тента, я вглядываюсь в лица, ожидая теплой волны узнавания, но с увеличением снимок становится все более зернистым. Не отчаиваясь, я вожу пальцем по лицам – и вдруг замираю. На заднем плане я вижу женщину, стоящую отдельно от остальных. Я сразу узнаю ее.

Я сворачиваю снимок и открываю следующий, где видно предельно четко – это действительно Руфь Тейлор, мама моей подруги Джилл. Она стоит одна перед кафе, а под фотографией подпись: «Местная деревня». Руфь смотрит куда-то за рамкой кадра, и я вглядываюсь в ее круглое лицо с искривленным ртом, отмечая, что она очень постарела – волосы стали совершенно седыми.

Значит, Тейлоры так и живут на острове? По многим причинам я надеялась, что Джилл оттуда уехала.

Вздохнув, я усаживаюсь поудобнее и снова возвращаюсь к первой фотографии. Каждому из этих людей теперь придется отвечать на вопросы. И если полиция еще не выяснила, кому принадлежат найденные останки, то это дело нескольких дней.

Никто не может ступить на остров или покинуть его, оставаясь незамеченным. Никто не мог быть похоронен в его земле без того, чтобы хотя бы один из жителей не знал об этом.

Глава 4

Я умоляла маму отвезти меня обратно на Эвергрин. Я приставала к ней с той ночи, как мы покинули остров, и вплоть до того дня, когда уехал Дэнни, то есть через год после ухода из семьи отца.

– Мы все еще можем вернуться, – предложила я за завтраком. – Ведь на отъезде тогда настоял папа, а сейчас его нет.

Я затрудняюсь определить, много ли правды было в объяснениях родителей, но решение уехать в ту ночь явно принял отец.

– Стелла, мы не станем этого делать, – ответила мама.

– Но почему? Мы были там так счастливы, мама.

– Сейчас не время, – перебила мама, быстро взглянув на Дэнни, набивавшего рот кукурузными хлопьями.

– Дэнни тоже там было хорошо, – настаивала я, раздраженная тем, что мать и слышать не желает о возвращении. – Разве нет, Дэн?

Брат поднял глаза, но не ответил, а сразу отодвинулся на стуле, отнес тарелку в раковину и поспешно вышел из кухни. Не может же мама не видеть, насколько он не приспособлен к городской жизни.

– Ты же понимаешь, что там ему будет лучше, – добавила я. – Обещай хотя бы подумать об этом!

Мама пробормотала, что подумает, но меньше чем через две недели Дэнни ушел из дома. Взял на плечи тяжелый рюкзак и сказал мне, что уходит. Мать стояла у калитки, глядя ему вслед, и лицо у нее было бледное и измученное. С таким же выражением мама звонила в клинику, когда Бонни впервые ложилась на лечение, – точно ее мир развалился на куски.

Мама долго не опускала руку, будто желая дотянуться до Дэнни, но, насколько я знаю, она не сделала ни одной попытки его остановить. Уже позже я часто задумывалась о том, что чувствовала мама, когда отпускала остальных. Она всегда была единственной, кто держал нас вместе, и всякий раз, когда один из нас покидал родительский дом, мне казалось, что образовавшаяся невидимая прореха с треском рвется все дальше.

После ухода Дэнни я перестала просить о возвращении на остров. Мое сердце уже не принадлежало Эвергрину, а со смертью мамы мысль об острове без нее казалась мне невозможной.

Однако сообщение в новостях разворошило воспоминания и полузабытые чувства, и я впервые завидую умению Бонни отстраняться и делать вид, что это нас не касается.

В воскресенье рано утром я звоню сестре. Прошло больше суток, а я все еще откладываю разговор с отцом.

– Говорят, останки принадлежат женщине, – сообщаю я Бонни. – Но я не понимаю, почему никто не заявил о ее исчезновении. Ведь наверняка кто-то заметил, что человек пропал. – Я задумываюсь. – На острове мы знали всех. Не могу отделаться от мысли, что убитая – наша бывшая знакомая.

– Ну и кто это может быть? Тесс Карлтон? – выпаливает сестрица, не целясь. – Или одна из близняшек Смит? Одна сестра убила другую?

– Бонни, ты говоришь ужасные вещи.

– Скоро мы все узнаем, – бормочет она, теряя интерес к разговору. Я задерживаю взгляд на экране телевизора. Снова показывают наш дом: камеры обшаривают сад и темный лес, лежащий за ним, густо заросший деревьями. Солнце освещает лишь верхушки крон, и с этого ракурса лес выглядит мрачным, внушая невольную робость. Туристы, как правило, не ходили в чащу, а мы в детстве безбоязненно убегали в такую глушь, куда свет не проникал и на минуту.

Каким-то образом оператору удастся передать смутную угрозу, таящуюся в лесу, и я впервые вижу лес глазами посторонних: он походит на обиталище призраков.

После разговора с Бонни я начинаю мысленно перебирать девочек, которых знала тогда. Почти все были старше меня, но младше Бонни: Тесс Карлтон, дочь лучшей подруги моей матери; Эмма Грей; подруга Бонни – Айона и, конечно, Джилл. Мои воспоминания о них в основном отрывочны, если не считать Джилл.

В последний раз я виделась с лучшей подругой после маминых лихорадочных, сбивчивых слов о том, что мы уезжаем. Меня не интересовал съемный дом в Винчестере или большой доход от папиной новой работы, поэтому я со всех ног кинулась к Джилл, которая сказала ждать ее в нашем заветном месте – на уединенной поляне у обрыва.

Я не учла, что за Джилл увяжется ее отец, и подруге пришлось украдкой шептать мне на ухо, что она не вынесет даже мысли о моем отъезде.

Мы обе были в слезах, когда Боб Тейлор подошел к нам слишком близко и велел Джилл возвращаться домой. Он, что называется, стоял у нас над душой, и я не могла спросить подругу, что же такого важного происходило у нее дома, если ее отец не может оставить нас наедине хоть на минуту. Но к тому времени меня уже не удивляли поступки Боба Тейлора.

Я схватила Джилл за руки, глядя ей в лицо и запоминая его. Она дрожала всем телом.

– Не бойся, – проговорила я, надеясь, что ее отец не услышит меня. Я покосилась на него, однако Джилл замотала головой. Как мне хотелось, чтобы он отошел, и мы смогли бы поговорить как следует! – Мы будем переписываться, – продолжала я. – Я напишу первой и пришлю тебе мой новый адрес. Обещай, что ответишь!

Джилл кивнула, моргая, пытаясь прогнать вновь наворачнувшиеся слезы:

– Обещаю! Мы всегда будем лучшими подругами.

– Клятва кровной сестры, – проговорила я, и мы соединили наши пальцы, но тут отец Джилл громко позвал ее, и она наконец отстранилась. – Я буду скучать! – крикнула я, и мой голос дрогнул от боли.

– Я тоже! – прокричала в ответ Джилл.

Я сдержала слово и написала Джилл через неделю после того, как мы поселились в Винчестере. Я подбегала к двери всякий раз, как гремел почтовый ящик, а через неделю написала ей снова, умоляя ответить и указав свой адрес еще и на конверте, на случай, если подруга потеряла первое письмо. Однако ответа от Джилл я так и не дождалась.

Этим же днем в моей квартире раздается звонок, а вслед за ним, почти сразу, довольно настойчивый стук в дверь.

– Иду, иду, – бормочу я, в спешке ставя чашку на кофейный столик, и чай выплескивается на него через край. Когда я открываю дверь, то вижу на пороге двоих мужчин. Один из них высокий, тщательно выбритый, другой примерно на голову ниже.

– Мисс Стелла Харви? – уточняет высокий. – Я детектив констебль Уолтон, а это мой коллега, констебль Киллнер. Вам не о чем беспокоиться, мы лишь хотим поговорить о происшествии, о котором вы, наверное, знаете из новостей. Вы позволите нам войти и задать несколько вопросов?

– Не понимаю, – я недоуменно качаю головой, но отступаю, пропуская детективов в узкий коридор. – Почему вы собираетесь опрашивать меня?

– Мы опрашиваем всех, кто жил на Эвергрине. Причин для беспокойства нет, – заверяет он, дойдя до конца коридора, где надо либо поворачивать налево, в маленькую кухню, либо направо, в гостиную.

Я показываю направо – в гостиной просторнее, но чаю не предлагаю и молча опускаюсь в старое мамино кресло-качалку.

– Мы уже давно там не живем, – говорю я. – Наша семья уехала с острова в тысяча девятьсот девяносто третьем году.

Констебль Киллнер кивает, щелкнув ручкой и открыв блокнот. Проведя пальцем по списку, он переводит взгляд на меня:

– А когда вы приехали на Эвергрин, мисс Харви?

– Я там родилась, – отвечаю я. – В тысяча девятьсот восемьдесят втором. А родители перебрались на остров... – я замолкаю, вспоминая, – году в семьдесят шестом или семьдесят седьмом. Моя старшая сестра была младенцем.

Детектив кивает и вновь углубляется в свои записи.

– А что? – не выдерживаю я, подавшись вперед так, что чуть не падаю с кресла. – Ведь это было так давно, что я не понимаю, как это может вам помочь.

Уолтон улыбается:

– Стандартная процедура.

– Мы жили на Эвергрине сто лет назад, – настойчиво продолжаю я, не сводя с него глаз в попытке понять, что все это значит. Неужели полиция считает, что тело пролежало за нашим садом больше четверти века? Или меня допрашивают, потому что я жила на острове в то время, когда закопали труп?

– Знаю, – констебль снова улыбается. – Мы понимаем, что на момент отъезда вы были совсем юной, мисс Харви, но мы только кое-что уточним и уйдем. Мы не отнимем у вас много времени.

Поджав губы, я глубже усаживаюсь в кресло – так, что маленькая подушка упирается в поясницу. Мое сердце трепещет, угрожая сорваться в дикий галоп, однако улыбка Уолтона кажется искренней, и я напоминаю себе, что еще ничего не знаю о найденных останках.

Констебль просит уточнить, с кем и где я жила на острове, и я отвечаю – с мамой, папой, Бонни и Дэнни в «Доме у причала», в Квей-хаусе. Я замираю при мысли, что детективы уже поговорили с Бонни, но, с другой стороны, сестра не прибавит ничего нового. Наши версии будут практически одинаковыми.

Тем не менее присутствие полиции в моей гостиной заставляет меня заметно нервничать. Я пытаюсь расслабить плечи и не стискивать зубы. Что, если полицейские наблюдают за мной, подмечая мои непроизвольные жесты и делая выводы – точно так же, как я на сеансах с клиентами, или им действительно просто нужно выслушать голые факты и откланяться?

– Кто были ваши соседи? – спрашивает Уолтон.

– Соседей как раз не было, – отвечаю я, пояснив, что Квей-хаус стоит у самой пристани, можно сказать на отшибе, и других домов рядом нет. Киллнер переворачивает листок в своем блокноте и, по-моему, всматривается в карту острова. Не удержавшись, я тоже заглядываю, напрягая глаза.

– Слева от вас находился паб «Сосны»? – уточняет Киллнер.

Я киваю.

– Да, там жила моя подруга Джилл Тейлор и ее родители. Руфь и Боб, – добавляю я, потому что детективы сидят с выжидательным видом. – Не знаю, возможно, они до сих пор там живут.

Киллнер скупно улыбается, и я вдруг понимаю – совершенно не важно, что знаю я: полиции уже известно больше.

– А правее Квей-хауса начиналась деревня, – продолжает он. – Может, вы помните, кто жил в первых домах?

Мне живо вспоминается сплошной ряд частных домов с пристройками-магазинами. Вряд ли это можно было назвать деревней – скорее центральным местом, средоточием жизни острова, где взрослые собирались, чтобы пообщаться и сделать необходимые покупки.

– В крайнем, ближайшем к нам доме, жил врач, – рассказываю я. – Но пока мы жили на острове, там сменилось несколько врачей.

Детектив просит меня постараться припомнить их имена, и я добросовестно всех перечисляю, но кто из них и в какой период времени работал, сказать затрудняюсь. Пока Киллнер записывает, я перехватываю взгляд Уолтона на фотографию на книжной полке.

– Это моя мама, – поясняю я. – Она погибла десять лет назад в аварии.

– Примите мои соболезнования, мисс Харви.

Я наблюдаю, как он рассматривает снимки на каминной полке. Все, кроме одного, из далекого прошлого, когда мы были юными и жили на чудесном зеленом острове. На мгновение брови Уолтона сходятся на переносице при виде множества фотографий, сделанных, можно сказать, на месте преступления и украшающих мою гостиную. Хорошо, что он еще не видел моей спальни.

– Вы будете опрашивать моих близких? – интересуюсь я, чтобы привлечь внимание Уолтона, который уже взял с полки фотографию.

– Будем.

– Мой отец... – начинаю я, но детектив перебивает, пристально вглядываясь в снимок:

– Это ваша сестра?

– Да, – я сдвигаюсь на краешек кресла.

Постучав пальцем по стеклу, он поворачивается к Киллнеру, который поднимается и подходит к напарнику.

– Браслет вашей сестры, – произносит Уолтон, когда я тоже встаю и забираю у него фотографию. – Вы его помните?

– Конечно, я же его сама сделала.

Констебль сразу поворачивает ко мне голову.

– Это браслет дружбы, я их много надела в то лето, когда мы уехали с острова. Я их продавала.

– Не припомните, кому?

– Господи, ну как кому? Девочкам.

– Сможете составить список тех, кто приобрел у вас браслеты? – просит Уолтон.

– Ну, могу, наверно, – неуверенно предполагаю я.

Уолтон снова улыбается, но его улыбка уже не кажется искренней, и на этот раз, когда он повторяет, что их визит – всего лишь простая формальность и волноваться мне не о чем, я не верю ему.

– Спасибо за то, что уделили нам время, – говорит детектив, оставляя визитку и прося позвонить, когда я подготовлю список.

Через окно гостиной я смотрю, как полицейские разговаривают, подходя к машине. Констебль Уолтон смеется чему-то сказанному коллегой. Трясущимися руками я набираю номер Бонни, отмечая, что в глубине души мне скорее нравится происходящее, потому что остров снова возвращается в мою жизнь, пусть даже таким образом.

Но Уолтон будто невзначай оглядывается на мое окно, и искра радости гаснет, сменившись тягостным чувством от мысли, что один из сплетенных мной браслетиков может быть каким-то образом связан со страшной находкой на острове. Я со щелчком закрываю жалюзи.

– Ты меня слышишь? – спрашиваю я, когда Бонни отвечает: в трубке стоит треск. – Ты где?

– В «Теско», здесь отвратительная связь... Подожди... – Через несколько секунд трубка снова оживает: – Так лучше?

– Да. У меня только что побывала полиция.

– Люк сказал, что они и к нам приходили. Чего они хотят?

Я пересказываю их вопросы, слыша, как Бонни бросает покупки в свою тележку.

– Они хотят убедиться, что никто не лжет, – говорит сестра. – Чего ты перепугалась?

– Не лжет о чем? – настораживаюсь я.

– Наверно, о тех, кто был или не был на острове.

Полицейская машина наконец отъезжает, и я отхожу от окна.

– Мне это не нравится, – признаюсь я. – Бон, мне кажется... у меня такое чувство, что мы еще жили на Эвергрине, когда это произошло.

– Они просто задают вопросы, – шумно вздыхает сестра. – Скорее всего, обходят всех, кто когда-либо бывал на острове. Почему ты паникуешь?

– Их интересовали браслеты дружбы, которые я делала. На фотографии браслет на тебе. Полицейские попросили меня составить список всех, у кого он был.

Если подумать, я не припомню, чтобы Бонни когда-нибудь носила его, однако сейчас, снова вглядываясь в фотографию, я убеждаюсь, что браслет действительно у нее на запястье.

– Ты меня слушаешь? – спрашиваю я, озадаченная молчанием в трубке.

– Зачем им список?

– Не знаю, но, получается...

Что? Что мы знаем, кто убитая? Или, может, кто ее убил?

– Это ничего не значит. Они сейчас перерабатывают массу информации, – делает вывод сестра, однако в ее голосе нет уверенности.

– Мне не нравится оставаться в неведении. У меня чувство... – я замолкаю, подбирая слова, – ...что я должна быть вовлечена в это.

– Не сходи с ума, – просит Бонни. – Почему мы уже неделю только и говорим, что об этом чертовом острове? Хватит с меня Эвергрин, даже думать о нем не желаю!

Ее реакция меня не удивляет, но в отличие от Бонни меня эта новость сбивает с толку. Я не могу избавиться от мыслей, которые всегда гнала от себя, и все «коробочки» с секретами, которые я тщательно прятала, одновременно открылись, выпустив содержимое. Существует много вопросов, на которые я хочу получить ответы, но раньше мне не доставало смелости.

– Бон, – начинаю я осторожно, – я вспоминаю наш отъезд оттуда и последние дни на острове...

Я замолкаю, не зная, как закончить фразу.

– Ну?

– Может, ты помнишь что-нибудь такое, чего не помню я?

– Конечно, нет! Что я могу помнить?

«Я думаю, куда больше моего, Бонни». Она была на шесть лет старше меня и, без сомнения, осведомленнее.

– Мы ведь ни разу не поговорили откровенно.

– Потому что тут не о чем говорить, – припечатывает Бонни. – И не вздумай снова приставать, почему мы уехали! Родители сказали, что нам нужны деньги, которые папа заработает на новой работе. Лодка-то наша почти ничего не приносила. Чем тебя эта версия не устраивает?

Сомнительно, что она устраивает тебя, думаю я, пока Бонни излагает факты, будто заученные наизусть. Сестра что-то скрывает от меня. Ну, значит, и я не должна говорить ей обо всем.

Попрощавшись, я беру фотографию, которая привлекла внимание констебля Уолтона. На ней мы стоим все пятером в последнее лето на острове. Я вглядываюсь в улыбающиеся лица мамы и папы – он обнимает ее за плечи, а она крепко держится за его руку.

Что же с нами случилось?

Мне безумно хочется поговорить об этом с Бонни, но какая-то другая часть меня протестует. Потому что тогда мне пришлось бы признать: я скрыла то, что произошло перед нашим спешным отъездом с острова. Скрыла, потому что верила, что если солгу, это будет держать нас всех вместе.

Глава 5

Эвергрин быстро перестает быть сенсацией, однако мое любопытство нарастает: я методично прочесываю Интернет в поиске фотографий, имен – чего угодно, связанного с островом. Чем больше я узнаю, тем больше мне необходимо выяснить. Это сродни наркотической зависимости. Как мне удавалось держаться в стороне столько лет – не понимаю.

Спустя пару недель после начала моих собственных визитов к психотерапевту она спросила меня:

– Часто ли вы вспоминаете ваш старый остров?

Одной лишь интонацией ей удалось превратить мой родной, любимый Эвергрин в придуманный, несуществующий край.

– Я бы так не сказала, – ответила я, повторив ее жест – чуть склонив голову набок. Мы обе были одинаково пытливы и горели желанием забраться в голову к собеседнице. Со своей стороны, я хотела понять, к чему клонит консультант и почему она то и дело поднимает тему острова. Значит, что-то на прежних сеансах вызвало у нее профессиональный интерес.

Не выдержав затянувшейся паузы, она продолжала:

– Вы жалеете, что родители увезли вас оттуда. Как вы считаете, вы дали себе возможность осесть где-нибудь еще?

Интересный вопрос. Об этом я не задумывалась.

– Пожалуй, я... не знаю.

– Вам тридцать пять лет, вы меняете профессию, живете в съемной квартире, мечтаете посвятить себя помощи другим и массу времени тратите на свою сестру, которая, кстати, проживает в десяти минутах от вас.

В словах консультанта мне почудился упрек. Горячая волна поднялась по шее к щекам.

– Вы так говорите, будто я неудачница, – вырвалось у меня.

– Отнюдь, – она покачала головой. – Простите, если я неудачно выразилась, – я аплодирую вашему решению освоить новое поприще. Однако у меня впечатление, что вы непомерно много беспокоитесь о Бонни и... – она сделала паузу, и я заметила легкую краску на ее щеках, – ...живете прошлым. Видеть детство в розовом цвете – явление распространенное, но, наверно, не совсем адекватное для человека вашего возраста. Планировать будущее – это...

– Мне казалось, я как раз думаю о будущем, – перебила я, заморгав, чтобы прогнать предательские слезы, – раз я занялась переквалификацией. Что касается Бонни, то не волноваться о ней я не могу – у меня больше не осталось никого из близких.

– Да-да, – согласилась психотерапевт и явно хотела что-то прибавить, однако я продолжила, не дав ей высказаться:

– И я почти не думаю об острове.

Это, конечно, было ложью, и она это понимала. Я превратилась в подобие Бонни, которая топит правду в алкоголе. Мой детский альбом запрятан между журналами, а в гардеробе у меня обувные коробки, набитые старыми фотографиями, сделанными мамой.

Многие годы я подавляла желание вернуться на Эвергрин и уже надеялась, что у меня получилось, но с вечера пятницы меня не покидает ощущение, что искушение одерживает верх, а теперь, после визита полиции, я попросту не могу оставаться в стороне. Я поеду на остров и выясню, почему кто-то зарыл труп возле нашего сада и какое отношение к жертве имеют мои браслеты из бисера. Я хочу побыть среди людей, которых когда-то горячо любила, потому что разлука для меня уже невыносима. Я должна вернуться и узнать, отчего мы бежали с острова, полностью отдавая себе отчет, что так счастливы уже нигде не будем.

Мое сердце колотится, и я составляю список обладательниц моих браслетов, перечитываю его, прежде чем отправить полиции. Взгляд останавливается на первом имени в списке, и я окончательно понимаю, что, сидя дома, не найду ответов.

В понедельник утром я пытаюсь сосредоточиться на новых клиентах: супружеской паре и их четырнадцатилетнем сыне. По словам матери, у подростка проблемы с посещением школы.

Перечисляя свои тревоги, она говорит быстро, словно ставя галочки в списке покупок. Видно, что она нервничает. Всякий раз, описывая очередной случай, клиентка подчеркивает, что не одобряет поведение сына, однако у меня нет впечатления, что она хочет его унижить. Скорее ей нужно, чтобы я знала – она хорошая мать, которая активно ищет выход из ситуации.

Я ей сочувствую. Кажется, она винит себя за то, что проблема оказалась запущенной – подросток почти не учится в школе, и вот теперь все они оказались на приеме у семейного психолога. Похоже, клиентке так же неловко, как и мне вчера, когда в моей гостиной сидели двое полицейских.

Слушая, я киваю и поглядываю на ее мужа и ребенка. Мальчик тербит скомканную куртку, лежащую на коленях, и явно мечтает оказаться где угодно, только не тут. На его лице красные пятна, жесты выдают внутреннюю истерику, и я чувствую – он вот-вот сорвется. С него уже довольно. Как только мать немного выдыхается и набирает воздуха для нового монолога, я прошу мальчика описать, как он представляет себе удачный день.

Он хмыкает и дергает плечом, но впервые с тех пор, как он здесь, поднимает голову и ловит мой взгляд.

К концу консультации я убеждаюсь, что у родителей подростка несколько смещены приоритеты, однако у меня остается ощущение недосказанности, и я предлагаю уделить мальчику полчаса общения наедине в начале следующего сеанса.

Провожая клиентов, я думаю о Бонни и детском психологе, к которому ее возили на материк. Не в первый раз я жалею, что рядом нет мамы, чтобы спросить, зачем ей это понадобилось. Иногда я ловлю себя на мысли, как бы мне хотелось усадить рядом собственных родителей и дать им возможность выговориться.

Я бы спросила маму, как она могла отпустить Дэнни, а отца – чего он искал, когда сошелся с Оливией, и нашел ли это в итоге; признавал ли он, что Оливия – полная мамина противоположность, и стало ли это причиной его выбора.

Теперь папа живет в доме без излишеств, столь же строгом, как и его новые отношения, в которых нет места бурным сценам, сердитым словам и повышенному тону. А также смеху, привычке держаться за руки и тайным поцелуям, когда родители думали, что я не смотрю. С мамой у него так и было.

Когда папа переехал к Оливии, я втайне думала, что он получил по заслугам, но после ухода Дэнни впервые засомневалась – может, в случившемся есть и мамина вина? Бонни, безусловно, считала именно так.

Подойдя к столу администратора, я с наигранной небрежностью сообщаю, что, пожалуй, съезжу на остров и взгляну на место преступления. Таня привычно сдвигает очки на переносицу и медлит с ответом. Я сознаю, что жду от нее одобрения моей идеи.

– Это называется синдром упущенных возможностей, – наконец изрекает она. – Когда у человека навязчивая боязнь упустить что-то любопытное.

– Вы говорите обо мне как о вуайеристе, – обижаюсь я. – Лучше скажите прямо, если вам кажется, что моя идея ужасная.

– Так и есть – идея ужасная. Меня к раскопанной могиле и силой не затащишь, но, с другой стороны, я и не думала никогда вернуться в наш городишко... – она вздрагивает. – А что думает Бонни?

Я качаю головой.

Моя сестра только удержит меня.

– Вы ей не сказали?

– Нет. И вообще, это всего лишь мысли, – говорю я, взмахивая рукой. В этот момент в коридоре появляются клиенты с прошлой недели, и я приглашаю их пройти в свой кабинет.

– Знаете что, – заявляет Таня, когда они не слышат нас, – если вам захотелось поиграть в детектива, будьте осторожны. Полиция вас за излишнее любопытство не поблагодарит.

– Роль детектива меня вовсе не привлекает, просто я давно не видела старых подруг.

Я найду Джилл и спрошу, почему она ни разу мне не написала. Я никому не говорила, как терзалась поисками объяснений этой совершенно невероятной ситуации. Мне отчаянно хотелось, чтобы наша дружба не прервалась. Боль оттого, что меня забыли и так скоро забросили, была необыкновенно острой, но я терпела, потому что наша семья старательно залатывала любую брешь, пытаясь создать подобие нормальной жизни на новом месте.

И это только одна из многих «коробок», у которых начали слетать крышки. Теперь в ушах звучат голоса, которых я не слышала много лет, и я не могу заставить их замолчать.

– А с отцом вы не хотите посоветоваться? – вдруг спрашивает Таня, отвлекая меня от мыслей.

– Я ему еще не звонила, – отвечаю я, отходя от ее стола и направляясь к кабинету. Дело в том, что я не хочу продолжать разговор об отце. Хоть папа единственный, кто может объяснить причины нашего отъезда с Эвергрину, я не уверена, что могу ему доверять.

Не успеваю я поинтересоваться у супружеской пары их самочувствием, как клиентка выпаливает:

– Вряд ли я когда-нибудь смогу простить его! Все, что я вижу каждую ночь, – это он с ней!

Ее голос дрожит, и она отворачивается от мужа, а тот привычно рассматривает свои руки, которые то сцепляет, то расцепляет.

– Зря он мне сознался, – продолжает клиентка. – По-моему, он просто захотел облегчить свою совесть!

– Неправда, – бормочет муж, и я прошу его объяснить, что он имеет в виду. Мне очень хочется, чтобы он высказался.

– Не понял вопроса, – снова бурчит он.

– Она спрашивает, зачем ты мне сказал! – не выдерживает жена.

Он косится на нее:

– Потому что ты пристала ко мне, как с ножом к горлу. Ты умоляла сказать тебе правду, вот я и поверил, что ты действительно этого хочешь.

– Хочу? – Жена начинает плакать. – Я хотела знать, что ты мне не изменял!

Муж бледнеет и вновь опускает голову, уставившись на свои руки. Он сейчас мало что может сказать, чтобы спасти положение, но вместе с тем я должна добиться, чтобы он не молчал. Жена между тем продолжает говорить, возвращаясь к одному и тому же – что она предпочла бы ничего не знать.

– Сейчас вы поступили бы иначе? – спрашиваю я.

– Что? – не понимает она.

– Ну, если повернуть время вспять и оказаться за минуту до того, как вы упросили мужа сказать правду, вы поддались бы искушению услышать то, что, как вам казалось, вы хотите знать?

По округлившимся глазам клиентки я понимаю, что вопрос прозвучал довольно странно, но мне действительно любопытно. Я даже подаюсь вперед, хотя здравый смысл подсказывает, что не годится использовать клиентов в личных целях.

– Я не... – Клиентка мотает головой. Похоже, она окончательно запуталась, и я кладу ладонь на стол и заверяю, что не хотела ловить ее на слове.

– Здесь нет правильного или неверного ответа, – добавляю я. После допущенной оплошности мне приходится отступить, чтобы клиентка успокоилась.

Разговор продолжается, но после окончания сеанса, когда муж выходит из кабинета, женщина задерживается и признается мне:

– Я, наверно, все равно бы спросила.

Вид у нее очень печальный, и я дотрагиваюсь до ее руки:

– Каждая из нас поступила бы так же. Человек всегда хочет правды.

Разве лучше изводить себя, предполагая худшее? Я много раз прокручивала в голове различные сценарии, уходя от вопросов, грозивших «прожечь» мне череп изнутри. А теперь у меня ощущение, что они и впрямь могут прожечь. Во время собственных консультаций у психотерапевта я убедилась: мы лучше подготовлены, когда знаем, с чем имеем дело.

Я выхожу вместе с супругами и, когда они скрываются в конце улицы, поднимаю лицо к серому небу. Пальцы машинально трогают запястье другой руки, где когда-то был мой браслетик дружбы.

В то лето у всех появились тайны – правда, не пойму, когда все зашло так далеко. Я пытаюсь анализировать ситуацию, но все только запутывается, превращаясь в тугой клубок. Однако меня не оставляет уверенность, что если я найду, за что потянуть, остальное распусться без труда.

Найденные останки, наш поспешный отъезд, Джилл – что, если это звенья одной цепи? Мысль как ножом пронзает мою душу, и пасмурное небо точно надвигается на меня. Я не в силах побороть тревожное предчувствие, что могу оказаться права. Я должна узнать правду, а отсюда этого не сделаешь.

Я возвращаюсь в офис, дожидаясь, пока Таня договорит по телефону, и прошу перенести прием оставшихся клиентов на следующую неделю.

– У меня их не так много, и время вполне можно найти.

Таня пристально смотрит на меня поверх очков.

– Я не могу не поехать, – едва слышно выдыхаю я.

Глава 6

В половине двенадцатого утра я стою в очереди на пристани у кромки воды. Вот так же пассажиры когда-то ждали маленького парома моего отца. Теперь яркие двухпалубные лодки выстраиваются вереницей, словно утки, а в киоске продаются билеты на круиз к соседним островам. Неизменным осталось одно: зимой до Эвергрин всего один рейс в день, и паром уходит через пятнадцать минут.

Мои родители расстроились бы, что перевозки прибрала к рукам крупная компания, но я довольна, что незнакома с новыми владельцами. Не представляю, как бы я справилась с собой, увидев другого человека за рулем папиной лодки.

Сжимая билет в левой руке, я тереблю край, пока он не начинает рваться.

Однажды я услышала фразу, что от страха до возбуждения всего пара дюймов. То, что когда-то показалось мне фривольностью, сейчас я нахожу близким к истине. Меня страшит и возбуждает перспектива вновь ступить на Эвергрин, и эти эмоции так переплетены, что я уже не могу отделить одно от другого.

С материка Эвергрин не разглядеть – его заслоняют другие острова, в основном необитаемые, однако, незримый, он здесь, рядом. Большинство пассажиров выйдут на Браунси, специально обустроенном для туристов; почти никто не решится забраться в такую даль, как Эвергрин.

Накануне я связалась по телефону с некой Рэйчел, которая сдает комнаты в своем доме на острове. В объявлении размещение не называлось полупансионом, но из разговора с женщиной я поняла, что можно рассчитывать на ночлег и завтрак. Сомневаюсь, что комнаты были переполнены, – несмотря на сенсацию, в январе на остров заглядывают редко, однако Рэйчел долго не соглашалась оставить меня в своем доме.

– Всего на три ночи, – взмолилась я, сжимая телефонную трубку.

Рейчел шумно вздохнула.

– Не понимаю, что вам тут понадобилось. Вы из полиции?

– Нет, – заверила я. – Наша семья жила на острове очень давно, и теперь я хочу повидать давних друзей.

– Например? – тут же спросила Рэйчел.

– Энни Уэбб, – ответила я. Энни наверняка на острове, если она еще жива. Я затаила дыхание в ожидании ответа.

– Ну, не знаю...

– Пожалуйста! – взмолилась я. – Я вам ничем не помешаю, вы меня и не заметите.

– Точно на три ночи?

– Только на три.

– Так и быть, – засопела Рэйчел. – До завтра, – и она положила трубку.

Интересно, сколько гостей у нее остановилось? Люди приезжают на Эвергрин в поисках приключений, но на острове мало дел, которые нельзя закончить за день.

Возвращаясь после работы, папа часто повторял услышанные фразы вроде: «Какая странная изолированная коммуна!» или «Прячутся они тут, что ли?».

Мне не нравилось, как гости отзывались об острове – будто у нас здесь какие-то тайны.

– Почему они так говорят? – спрашивала я маму, однако она только отшучивалась:

– Завидуют. А кто бы не хотел здесь поселиться?

– А почему они думают, что мы прячемся? – не отставала я. Мне представлялось, как Эвергрин съеживается, прячась за широкими «плечами» Браунси, и никому невдомек, что наш

остров существует. Я живо воображала, как островитяне спешат укрыться за деревьями, едва туристы сходят на берег с папиного парома.

Мама втолковывала мне, что речь не об этом.

– Некоторые люди попросту слепы к здешней красоте, – объясняла она. – А мы ее видим.

В конце концов в идее нашего укрытия мне стало видеться нечто таинственное и волшебное. Но сейчас я впервые оказалась по другую сторону: на этот раз я ищу того, кто прячется от меня.

– Мисс, вы с нами?

Я поднимаю взгляд на человека на пароме и смотрю на стальные сходни.

– Нам пора, если вы едете. Или вы ждете кого-то?

– Нет, я...

– Вам помочь?

Я качаю головой и вдыхаю полные легкие морского воздуха, обдирающего горло будто кирпичной крошкой.

– Иду, – отзываюсь я, и мужчина отступает, пропуская меня вперед. Несмотря на холод, я поднимаюсь на верхнюю палубу и сажусь с правой стороны – отсюда лучше виден Эвергрин.

Когда паром отходит от пристани, все внутри у меня сжимается, и я закрываю глаза, чувствуя, что вот-вот взорвусь. Я много лет мечтала об этой минуте, и происходящее кажется нереальным. От накопившихся вопросов болит голова. Интересно, остров выглядит как прежде? Что, если я не встречу никого из знакомых? Чем будет оправдываться Джилл за свое упорное молчание? Каково будет вновь оказаться перед нашим домом? Последнее, как я понимаю, меня пугает больше всего. Глаза распахиваются сами собой, и я хватаюсь за поручень рукой, которая еще сжимает билет.

Как я и предполагаю, на Браунси многие выходят; на верхней палубе, кроме меня, никого не остается. Темные тучи грозят дождем, но я не ухожу, зная, что всего через несколько мгновений вдали появится мой остров. Я хочу увидеть его как можно четче, а не через запотевшее стекло внизу.

Я налегаю на перила. Дыхание перехватывает, и от слез щиплет глаза, когда мы начинаем огибать Браунси. Постепенно, по частям, открывается Эвергрин. Тонкая полоска песка, растущие стеной деревья, словно подпирающие линию горизонта. Временами лес расступается, и можно разглядеть озера. Вот показывается бухта – пустая, без лодок, ожидающая нашего прибытия.

Невольно вскрикнув, я зажимаю рот рукой. Сердце колотится, взгляд блуждает вдоль горизонта, стараясь ничего не упустить. Об этом мгновении я мечтала с той самой ночи, как мы уехали. Снова увидеть мой остров. Вернуться домой.

Остров Эвергрин

1 июля 1993 года

Вспоминая начало лета, Мария спрашивала себя, тревожило ли ее тогда нехорошее предчувствие. Может, были дурные приметы или на острове переменялся ветер, но всякий раз приходила к единственному выводу: невозможно было что-то предугадать и предотвратить. И все равно Марию мучила мысль: может, она не заставила себя внимательнее приглядеться?

Все началось в знойный июньский день – Мария помнила это удивительно ясно, и если бы существовал переключатель, способный направить жизнь в иное русло, она бы воспользовалась им именно в конце июня.

Из комнаты Дэнни причал был как на ладони, особенно в ясные дни, как в то утро, когда небо было ярко-голубым и солнце играло на поверхности воды, усыпав море мелкими сверкающими кристаллами.

С минуты на минуту должна была показаться моторная лодка Дэвида, и Мария в ожидании наблюдала из окна за Стеллой, стоявшей на пристани. Вероятно, девочка уже заметила отца, потому что изо всех сил размахивала руками. Это был первый из обратных рейсов в тот день, и Дэвид, скорее всего, прямо сейчас снова поедет на материк. Погоду обещали жаркую, и если бизнес пойдет хорошо, на зиму семья будет обеспечена.

Шел уже одиннадцатый час – Дэвид опаздывал на несколько минут. Мария отошла от окна, не зная, присоединиться к Стелле или не мешать. На этот рейс записались целых восемь новичков: семья из пяти человек, новый доктор со своей подружкой и девушка – будущий географ, ехавшая на остров с образовательной целью. Мария разрывалась между стремлением первой поглазеть на новоприбывших и желанием вовсе оставить чужаков без внимания.

Вскоре показался паром Дэвида. Пять минут, и пассажиры начнут высаживаться. Ей до пристани – всего две.

Со вздохом Мария нехотя начала спускаться. Обычно начало каникул было ее любимым временем, обещавшим долгие ленивые дни с детьми и семейные ужины на свежем морском воздухе.

Она понимала, что это продлится недолго: младшие дети подрастают. Мария чувствовала, как Стелла отдаляется от нее, и если в случае Бонни и Дэнни она готова была смириться, то младшую ей еще хотелось донянить.

Выйдя в сад, Мария направилась к живой изгороди, отделявшей дом от пристани. Из-за деревьев показалась Бонни, низко опустив голову и сведя напряженные плечи.

– Хочешь со мной посмотреть на новичков? – спросила Мария. – Пойдем, дочка?

Бонни с безучастным лицом взглянула на мать:

– Зачем мне это?

– Этим рейсом приезжает девочка всего на пару лет старше тебя. Кажется, Айона. Она с удовольствием познакомится с ровесницей, и...

– Мне не пять лет, – фыркнула Бонни. – Я и сама могу завести друзей.

– Не можешь, – терпеливо возразила Мария, и дочь, вскипев, быстро пошла прочь.

Мария еще не знала, что к концу лета остров, который она любила всем сердцем, ее тихая гавань станет тем местом, куда им больше не захочется возвращаться.

На ходу Бонни покачала головой: как она ненавидела эту черту своей матери – вечно учить ее жизни! Сколько она себя помнила, родители всегда пытались ее перевоспитывать, но с матерью было тяжелее всего. Все началось с детского клуба «Останься-поиграй», куда ее

обычно таскали и где женщина-психолог наблюдала, как Бонни играет с различными глупыми игрушками, разложенными специально для нее, и отпускала замечания на ее счет.

Затем Бонни удаляли из комнаты и просили посидеть с кем-нибудь еще, пока они с мамой будут обсуждать ее. А Дэнни оставляли, он сидел у мамы на коленях и сосал дурацкую пустышку, с которой не расставался.

Бонни догадывалась – они что-то искали в ней, но не понимала, что именно. Она знала, что игрушки нужны были для отвода глаз, чтобы отвлечь ее и заставить открыться.

Однажды женщину особенно заинтересовало, что Бонни не смотрит на нее во время разговора, поэтому в следующую встречу Бонни не сводила с нее глаз. Ей стало казаться, что если достаточно внимательно слушать вопросы взрослых, можно угадать с ответом. Видимо, это сработало, потому что однажды мать в гневе вошла в игровую, схватила Бонни за руку и больше они на занятия не ездили. Вечером родители разговаривали, думая, что Бонни уже спит, но она помнит, как удивилась фразе матери: «Получается, честность не всегда полезна».

Сперва ей стало любопытно, что она имела в виду, однако интерес быстро угас, оставив необъяснимое тягостное чувство. Видит Бог, Бонни и без того хватало, о чем волноваться.

Мать опять завела старую пластинку, пытаясь заставить ее заводить подруг, поэтому Бонни дала себе слово не замечать эту приезжую Айону.

Мария в нерешительности остановилась у редкой линии деревьев, невидимая с пристани. На остров просто так не переселяются, поэтому она с осторожностью относилась к новым лицам. Через несколько дней остров загудит от слухов – местные начнут строить предположения о том, чего новички ждут от Эвергрин и от чего скрываются. У каждого своя причина переехать на остров.

У края причала Стелла, обняв папу, уткнулась лицом ему в живот, а Дэвид в свою очередь крепко обнял дочь и поцеловал в макушку. Мария упивалась этими проявлениями отцовской нежности, хотя и видела, что ласки не всем детям достается поровну. На это она, мать семейства, тоже закрывала глаза, хотя, как позже поняла, напрасно.

Дэвид огляделся, и Мария поняла – он ищет ее. Она вышла на пристань.

Женщина с темными волосами, забранными в «конский хвост», казалась встревоженной. Она торопилась спуститься по сходням, обернувшись и крича кому-то на ходу:

– Ну же, Фредди! Фрея, бери его за руку и веди на берег!

Значит, это и есть семья Литтлов. Мария улыбнулась мамаше, тащившей по пристани тяжелые чемоданы.

– Я Мария, добро пожаловать на Эвергрин, – произнесла она, когда приехавшие проходили мимо. Совсем как Энни Уэбб, когда они с Дэвидом ступили на этот берег много лет назад.

Женщина остановилась и огляделась:

– Такое чувство, будто я участвую в реалити-шоу, приехала выживать на необитаемом острове!

– О, я уверена, вам здесь понравится, – отозвалась Мария, хотя уже чувствовала, что Литтлы не созданы для Эвергрин. – Если вам что-нибудь понадобится, я живу в Квей-хаус, – она указала себе за спину.

Следом Мария поздоровалась с новым доктором. Его молодая спутница почти не поднимала глаз, порозовев от смущения; она походила на лань, пойманную светом фар проезжающей машины. Это создавало еще больший контраст между ней и девушкой, вышедшей из лодки позади нее.

– Миссис Харви? – спросила студентка, протянув руку. У нее были длинные ресницы и короткая стрижка «пикси». Это очень шло к ее маленькому личику, хотя густые каштановые волосы казались темноватыми для такой бледной кожи. Девушка подняла темные очки на

макушку, и Марию поразили яркость и пристальный взгляд зеленых глаз. – Я Айона, приехала сюда на «годичный сандвич».

– Годичный что? – переспросила Мария, умилившись бойкости девушки.

– Ну, это вроде академического отпуска, – пояснила Айона. – Я изучаю географию, поэтому вот... – она широко повела рукой. – Ваш остров просто прекрасен!

– Спасибо, – просияла Мария. – Это правда.

Она смотрела, как Айона энергично шагает к деревне, и заметила Энни Уэбб, только когда девушка скрылась из виду.

– Значит, вот они, новенькие? – спросила Энни.

Мария вздохнула:

– Да, судя по всему.

– Как поживаешь, Стелла? – Энни повернулась к девочке, которая радостно подпрыгивала, помогая отцу, с усилием поднимавшему ее на руки. – Ты уже большая и тяжелая. В одиннадцать лет девочки так не делают, – покачала головой Энни. – Боже мой, а ведь я помню, как ты родилась!

– Ты была первой, кто увидел мое лицо, – лукаво подхватила Стелла.

– Верно, – подтвердила Энни. – Твоей маме повезло, что я оказалась рядом, – до материка ты бы нипочем не подождала. А вот твой братик никак не хотел выходить.

– Дэнни смастерил кое-что классное для дома на дереве! – тут же похвасталась Стелла. – Деревянный сундучок! Можно класть туда тетради и ручки, чтобы с собой не таскать.

– Сам сделал? – переспросила Мария. – Это прекрасно.

– У этого мальчика всегда были золотые руки, – пробормотала Энни, когда Дэвид громко попрощался из лодки.

Мария отвернулась от Энни, чтобы помахать мужу. Дэвид, хмуро посматривая на нее, тянул канат для быстрого разворота. Ему не нравилось, что жена и Энни Уэбб с таким интересом наблюдают за новоприбывшими. Но он ошибался, считая, что Энни не жалуется перемен. И лишь благодаря Энни Мария чувствовала себя спокойнее, когда на острове появлялись чужаки.

Ее удивляло, что Дэвид не одобряет ее дружбы с Энни. Любой, кто знал всю их историю, понял бы, почему Мария стала такой зависимой от нее. В конце концов, только Энни знала причину, по которой Мария и Дэвид перебрались на Эвергрин. Ну, не только она, конечно, но о других Мария старалась не думать.

Однако со временем Дэвида стало почти раздражать их общение, словно он ревновал ее к тому, что Мария чаще обращалась к этой пожилой женщине, чем к нему.

– Ты видела, куда он залез? – спросила Энни, когда Мария снова повернулась к ней.

– Кто?

– Дэнни, – Энни показала на дерево, и Мария разглядела между ветвями ноги сына, обутые в сандалии. Ноги у Дэнни были уже больше, чем у нее, размером, как у взрослого мужчины, и Марии это казалось ненормальным. Весной мальчик сильно вытянулся, став всего на два дюйма ниже Дэвида. Он выглядел, как мужчина, оставаясь при этом совершенным ребенком, и Мария не могла представить себе время, когда ее сын будет готов начать самостоятельную жизнь.

Она со вздохом покачала головой. Мария знала, что подумает Энни, но чего от нее хотели? Она не могла запретить Дэнни лазать по деревьям, если это единственное место, где ее сын чувствовал себя счастливым.

Дэнни понял, что его заметили, но он и не думал прятаться – просто хотел посмотреть, из-за чего вся эта суеда. Его родители говорили о новичках уже несколько вечеров, и Дэнни понимал, что мама нервничала из-за их прибытия, однако совершенно не мог взять в толк почему. Она была такой дружелюбной со всеми, почему же ей не нравятся новые знакомства?

Несмотря на репутацию нелюдима, Дэнни вовсе не возражал против появления незнакомцев на острове, поскольку это давало ему возможность наблюдать за новыми людьми. Смотреть на одних и тех же, делавших одно и то же, становилось скучно. Почти ни в ком из островитян он не находил ничего интересного. Дэнни надеялся, что сегодняшняя партия новичков даст ему новые идеи и лето пройдет быстрее. Его лишь огорчало то, что Стелла будет снова пропадать с Джилл, – ему так нравилось, когда она сидела рядом с ним в домике на дереве.

Все считали его молчуном – иногда о нем забывали даже за семейным столом. Стелла была единственной в семье, кто относился к нему без неприязни, в отличие от Бонни, и не сюсюкалась с ним, как их мать. Отца Дэнни любил, но тот все время работал.

Достав блокнот для рисования, мальчик открыл чистый лист и начал составлять список новых жителей острова. Среди них были три новые девушки, однако он не знал их имен, поэтому просто нарисовал их. Потом он сунул альбом под мышку и слез с дерева.

Настоящее

Глава 7

Ступив на край причала, я несколько мгновений не могу сдвинуться с места. Стиснутые в карманах руки онемели так, что свело пальцы. Произошедшие изменения напомнили мне, как давно я сюда не возвращалась. Например, беленные известью доски под ногами и стальные столбики вдоль причала с привязанной вокруг них веревкой, изображающей перила. Возможно, это выглядит стильно, но это не то, что я помню. Я готова сорвать эти столбики, лишь бы причал стал прежним.

Я словно слышу мамин голос:

«Чересчур картинно. Оглядись – все устроено ради привлечения туристов. Удивляюсь, как Энни это допустила!»

«Если она еще здесь, мам. Рэйчел, которая сдает комнаты, по-моему, темнит».

«Нет-нет, она точно здесь», – говорит мама, когда неожиданный резкий порыв ветра заставляет меня потерять равновесие. Еще чуть-чуть, и меня унесло бы в море. Беспокойно оглядываясь через плечо, я отступаю от края причала.

Ноги меня не слушаются. Немногочисленные попутчики уже скрылись из виду, и паром готовится к отплытию. Я вытаскиваю руку из кармана и вцепляюсь в сумку, которая оттягивает мне плечо, заставляя шагать вперед. Мой взгляд рассеянно блуждает по деревьям справа: вот-вот сквозь них покажется наш дом.

Я дохожу до конца пристани, где мимо нее бежит широкая тропа. Она разветвляется, уходя в разные стороны, но можно двигаться в любом направлении – все равно окажешься у нашего сада. Слева тропа сворачивает к аллее Пайнклиф-Уок – это основной путь до бухты на противоположной стороне острова, и именно от этой аллеи папа в свое время отгородил дом белым штaketником. Справа тропинка петляет по острову – через деревню и дальше, к озерам.

Я не выбираю ни одно из направлений. Просто я схожу с тропы и крадучись двигаюсь к деревьям, пока дом не начинает появляться передо мной фрагментами: я складываю «пазлы» из кирпича, стекла и черепицы, пока вдруг не оказываюсь в самом низу нашего сада.

От знакомого аромата сосен и вереска сдавливают грудь и кружится голова; пошатнувшись, я опираюсь о ближайший ствол дерева. Я даже не пытаюсь вытирать слезы, ручейками сбегаящие по щекам, и вскоре уже плачу навзрыд, дыша полной грудью. Я сижу, прижавшись спиной к дереву, не в силах оторвать взгляд от дома. Наш дорогой дом! Мы не должны были оставлять тебя.

Переполняемая воспоминаниями, я обвожу взглядом окна, закрытые и занавешенные. Внутрь не заглянешь, да никому и не придет в голову заглядывать. Я нахожу окно своей комнаты – крайнее справа, рядом с окном Дэнни, и сразу вспоминаю свои занавески в сердечках.

Даже не закрывая глаза, я чувствую запахи маминой запеканки и жаркого, наполнявшие дом, и почти слышу, как она зовет нас пить чай. Я крепче вцепляюсь в дерево, чтобы не побежать в дом со всех ног.

Мне требуется некоторое время, чтобы заметить большой полицейский тент, белеющий на опушке леса.

Мой взгляд мечется от дома к оживленной возне полицейских, и я вижу, как человек в черном пальто, согнувшись, разгребает небольшой участок земли. Подняв голову, он кого-то зовет, указывая на находку.

Я снова смотрю на дом. Столько лет спустя меня все равно не оставляет ощущение, что я прячусь за деревом из озорства, чтобы выскочить перед мамой и в шутку напугать ее. Я

спрашиваю себя: как время может исчезать, бесследно испаряться, будто его и не было? Мне даже не верится, что у меня была какая-то другая жизнь, кроме той, что на острове, однако я уже двадцать пять лет живу в Винчестере.

В детстве я пробиралась между соснами, возле которых сейчас стою, чтобы найти единственное дерево, имевшее для меня значение, а теперь и отсюда вижу – наш с Дэнни домик на дереве выдран «с мясом» и теперь дерево выглядит голым.

У меня вырывается стон, но я поспешно прячусь, когда криминалисты у белого тента поворачивают головы в мою сторону. Ведь фактически я незаконно нахожусь на месте преступления.

Я снова разглядываю оголенное дерево. Домик, который когда-то был на нем, нам построил отец. Я выпрашивала это чудо целый год, прежде чем папа наконец нашел достаточно дров. И целый месяц он стучал молотком, закрепляя доски на ветвях, как гнездо.

Дом был закончен в тот год, когда мне исполнилось десять, и я провела там два лета, прежде чем навсегда распрощалась с любимым островом. Каждый день я забиралась по деревянной лесенке, нередко прихватив с собой одеяло, а если было темно, то фонарик и пластиковый контейнер с бутербродами, и сидела там часами, читая, раскрашивая альбомы или делая записи в своем дневнике.

– Вот увидите, это добром не кончится, – ворчала Бонни.

– Замечательный дом! – возмущалась я. – Папа его сделал для нас.

– Для нас? – засмеялась сестра. – Ноги моей там не будет ни за какие деньги!

– Дэнни! – Я повернулась к брату. – Скажи, что тебе там нравится. Ты же туда поднимался!

Дэнни пожал плечами, оглядев нашу импровизированную лестницу снизу вверх. Он проводил в домике не меньше времени, чем я, и не только со мной – нередко он сидел на платформе один и глядел вокруг. На что он смотрел, оставалось только догадываться.

Сейчас на дереве не осталось ни досочки, дом выкрашен в бирюзовый цвет, а сбоку от него появилась новенькая оранжерея. К тому же в саду теперь стоит белый тент и вокруг сосен привязана ярко-желтая полицейская лента, и если я не остерегусь, то какой-нибудь детектив подойдет и осведомится, что я здесь делаю.

– Вы в порядке? – Голос позади заставляет меня вздрогнуть, я оборачиваюсь, все еще держась за ствол, и наскоро провожу ладонью по мокрым щекам. Женщина примерно моего возраста, улыбаясь, как-то странно смотрит на меня. Она плотнее запахивает на груди темную синюю парку, придерживая фотоаппарат, висящий у нее на шее.

– Спасибо, все нормально, – отвечаю я.

Она кивает на белый тент:

– Вот работенка, не позавидуешь, правда?

Я киваю, не зная, что ответить, и решаю на всякий случай говорить поменьше.

– Вы местная? – спрашивает женщина, хотя по ее интонации я догадываюсь – она уже знает ответ.

Когда я качаю головой, она протягивает руку:

– Я из «Эха Борнмута».

– Здравствуйте. – Значит, журналистка. – Об останках уже что-то выяснилось? – добавляю я будто невзначай.

– Нет, насколько я знаю, – женщина продолжает внимательно меня рассматривать, удерживая улыбку. – Но вы вроде не из зевак.

– Да, я приехала не из любопытства, – соглашаюсь я, машинально теребя кожу на большом пальце.

– Разрешите узнать ваше имя?

– Зачем оно вам?

– Я пишу кое-что о проблемах в обществе и тому подобном... Если вернусь ни с чем, попадет от начальства, а писать практически не о чем.

Я колеблюсь, не назваться ли вымышленным именем, но в конце концов решаюсь сказать правду:

– Стелла. Стелла Харви.

– Стелла Харви, – медленно повторяет журналистка, покусывая нижнюю губу и оглядываясь на пристань. – Как бы вам здесь не застрять, пассажирский паром вернется только завтра.

– Знаю, я остановилась в одном из пляжных домиков, – говорю я. – Всего на пару дней.

– Буду рада пообщаться, Стелла Харви, – произносит журналистка, прежде чем уйти. – Возможно, мы еще увидимся.

И, взмахнув фотоаппаратом, она улыбается и идет к белому тенту, где собрались полицейские эксперты.

Я принимаю решение зайти к Рэйчел, чтобы оставить дорожную сумку.

Обойти полицейский тент я собираюсь по Пайнклиф-аллее. Вдоль нее, как прежде, штакетник, но уже не тот, что ставил отец. Издалека он выглядит похожим, однако здесь явно поработал профессионал – забор аккуратный и стоит идеально ровно, и у меня возникает непреодолимое желание пнуть его.

Впереди вспыхивают на солнце стекла новой оранжереи, но ее жалюзи опущены изнутри. Я страстно желаю увидеть хоть какую-то часть жизни новых хозяев, однако мне остается довольствоваться лишь наружным экстерьером.

И все же я не могу не думать, расширили ли они маленькую кухню и снесли ли перегородку, которую сделал папа, чтобы у меня и Дэнни было по комнате. Новые жильцы наверняка обратили внимание, что через тонкую стенку все слышно. Я глубоко вздыхаю, бросая последний взгляд на дом, и ухожу по аллее влево.

Пайнклиф-аллея вьется мили полторы по краю высокого берега до самой дальней точки острова – Бухты Пиратов. Иногда дорога подходит так близко к обрыву, что открывается отличный вид на море, но чаще остается только представлять себе водную гладь за деревьями и скалами. В таких местах от аллеи отходят узкие тропки: некоторые протоптанные, а другие больше похожи на попытки срезать путь на пляж или к утесу.

Была и у нас с Джилл тайная тропинка, которую мы сами протоптали к нашей заветной полянке, и именно на этой тропке я останавливаюсь. Удивительно, что даже спустя двадцать пять лет к горлу подкатывает дурнота от одного взгляда в ту сторону.

Я обожала нашу поляну, но когда в последний день перед отъездом Джилл предложила встретиться там, я окаменела. Я не сказала ей, почему меня больше туда не тянет. Я никому не рассказала, что там произошло два дня назад. Скрепя сердце я продолжаю идти дальше. Это стало первой «коробочкой» с секретами, которую я закрыла плотной крышкой.

Пройдя еще немного, я снова останавливаюсь – на этот раз у поворота к дому Тейлоров. Даже будь я уверена, что лучшая подруга до сих пор здесь живет, у меня все равно не хватило бы смелости постучать в дверь.

На языке вертится множество вопросов. «Почему ты ни разу мне не написала?» Я уже потеряла счет своим письмам, прежде чем наконец махнула рукой. Однако сейчас, когда от разгадки меня отделяют несколько десятков шагов, ноги вдруг перестают слушаться. Я убеждаю себя, что мысль увидеть Боба Тейлора удерживает меня, но в душе сознаю – дело не только в этом. Я не готова узнать то, что может открыться.

К счастью, дом Рэйчел, расположенный среди практически одинаковых пляжных домиков на берегу, мне не знаком и не вызывает волнения. Сверху падают капли дождя, и когда на мой громкий стук дверь открывается, мои волосы уже становятся мокрыми.

Рэйчел оказывается женщиной примерно на голову ниже меня, и на вид ей лет пятьдесят восемь. Каштановые с проседью волосы убраны широкой синей лентой, в стиле диснеевской Алисы, вязаная кофта доходит до середины икр, а взгляд из-за больших круглых очков дает понять, что хозяйка не в восторге от моего приезда. Я называюсь, хотя Рэйчел, несомненно, понимает, кто перед ней.

– Входите, – говорит она, пропуская меня в просторный, но плохо освещенный холл, заставленный громоздкой мебелью из красного дерева. Свободной от мебели оставалась только середина красного ковра, где мы и останавливаемся. – Гостей попрошу не водить, – сухо предупреждает Рэйчел. – И через трое суток потрудитесь освободить комнату.

– Я не задержусь, – обещаю я. От такого нелюбезного приема у меня мелькает мысль, что и трое суток – слишком много.

– Зимой я запираю дверь в девять. По ночам здесь все равно не погуляешь, ведь фонарей на острове нет, – продолжает Рэйчел. – Вы должны знать, раз вы якобы жили здесь.

– Жила, но очень давно.

Она кивает и подходит к бюро. Вынув из верхнего ящика толстую книгу, хозяйка листает до чистой страницы.

– Мне нужны ваши имя, адрес и номер телефона, – постучав ручкой по листу, Рэйчел протягивает книгу мне. – Потом я покажу вам вашу комнату. Оплата наличными, сейчас или при отъезде, как хотите.

– Я могу оплатить сейчас, – предлагаю я, записываясь в книгу.

– Завтрак в восемь, а об остальном извольте позаботиться сами.

– Хорошо.

– В деревне есть магазин и кафе, но зимой они закрываются рано.

Я киваю:

– Спасибо.

Рэйчел дожидается, пока я закончу писать, и берет книгу, изучая мой адрес.

– Когда вы отсюда уехали?

– Около двадцати пяти лет назад, – отвечаю я.

– Где же вы жили?

– В доме на набережной, – признаюсь я и, в полном соответствии со своими ожиданиями, люблюсь ее округлившимися глазами и отвисшей челюстью. Рэйчел таращится на меня, схватившись за бюро; она явно силится осмыслить, что все это значит. – На момент отъезда мне было одиннадцать лет, – я пожимаю плечами и с облегчением вздыхаю, когда Рэйчел наконец велит идти за ней. Мы поднимаемся в просторную и чистую, хотя и темноватую комнату. Деревья за окном скрадывают свет пасмурного дня, а темная мебель и густо-красное покрывало на кровати довершают остальное.

Порывшись в карманах, Рэйчел достает два ключа.

– Это от вашей комнаты и от входной двери, но, как я уже упоминала, в девять я запираю на засов. – Она пятится к лестнице, но останавливается, чтобы добавить: – Я согласилась вас пустить только потому, что вы убедили меня, что у вас здесь друзья, но если люди плохо отнесутся к вашему возвращению, то... – Она не договаривает, какие меры последуют, однако я догадываюсь, что мне укажут на дверь. – Нам не нужно проблем. И без того хватает любопытных, – цедит она, в упор глядя на меня. Я собираюсь возразить, но Рэйчел продолжает чуть тише: – До прошлой пятницы все было прекрасно, а теперь... – она качает головой. – В общем, лучше вам держать свои дела при себе.

– Обещаю, я не причиню никакого беспокойства, – заверяю я. Рэйчел кивает и наконец оставляет меня одну.

Я бросаю сумку на кровать и перекидываю кошелек и телефон в карманы пальто. Меня раздражает обвинение в том, что я приехала сюда из любопытства, и претит уверенность Рэйчел, что у нее больше прав жить на острове, нежели у меня.

Выйдя из дома, я направляюсь к деревне. День выдался пасмурный, и вокруг стоит угнетающая тишина. Я увлеченно верчу головой, разглядывая витрины, и отмечаю изменения: на месте пекарни появился универмаг, а у заново отремонтированного кафе пустуют столики быстро. Мой голодный желудок урчит, и я уже собираюсь зайти поесть, когда рядом неожиданно возникает журналистка.

При виде меня она расплывается в улыбке и подходит. Фотоаппарат все еще болтается у нее на шее.

– Зачем же вы все-таки вернулись на остров, Стелла Харви?

Остров Эвергрин 10 июля 1993 года

Один из дней первой недели лета стал особенным: именно тогда произошли два события, давшие толчок самым фатальным последствиям. И пусть не в ее силах было отвести близившуюся катастрофу, потом Мария много раз вспоминала, как ее действия отнюдь не помогли вывести семью из-под удара.

Она почти не видела Стеллу, однако не сердилась, что дочь постоянно пропадает с Джилл. Она даже поощряла ее (хотя желала бы чаще держать младшую дочь при себе), потому что дружба была важна.

Джилл поджидала Стеллу у калитки сразу после завтрака, с тяжелым рюкзаком на костлявых плечиках. Мария дала им с собой фруктов и пирога и задержалась на пороге, глядя, как девочки бегом припустили по Пайнклиф-аллее.

– Что такое? – спросил Дэвид, неожиданно подойдя сзади, отчего Мария вздрогнула. Он поцеловал жену в волосы и обнял за плечи: – Скучаешь по нашей малышке?

– Немного, – призналась Мария, хотя дело было не в этом. Ей показалось, что Джилл стала совсем бестелесной. Трудно было не заметить болезненную худобу под майкой и джинсовыми шортами, из которых девочка ничуть не выросла за год. Покачивав головой, Мария прильнула к мужу. Она не хотела озвучивать свои тревоги, но проводила Джилл пристальным взглядом.

Если у ребенка действительно были проблемы, то Мария не знала, как поступить. Руфь Тейлор прятала голову в песок от любого пустяка, а обратиться с таким деликатным вопросом к Бобу и думать нечего.

– Останешься на ланч? – спросила она мужа.

– Хотелось бы. Сегодня столько работы, что лучше бы не делать перерыв, но разве можно удержаться, чтобы не заглянуть к моей прекрасной семье!

Мария засмеялась:

– Компанию тебе составлю только я. Дэнни где-то пропадает, зато Бонни, посмотри, в саду с Айоной! – Она задержала Дэвида, чтобы он взглянул на старшую дочь и ее новую подругу. – Кажется, она в хорошем настроении, – добавила Мария, сдерживая ликование.

– Да, это неплохо, – согласился Дэвид, пройдя в дом.

– А ты как думаешь? – настаивала она, следуя за мужем в кухню. – Может, ей всего-то и нужно было найти близкого друга?

– Мария, – остановил ее муж, подавив вздох. – Перестань волноваться о Бонни, с ней все в порядке.

В порядке ничего быть не могло, и это была единственная тема, единственная серьезная тема, которая не давала им прийти к согласию.

– Я пригласила Айону на ужин, – продолжала Мария, не поддаваясь раздражению, – так что не опаздывай. – Она взглянула в окно. Девушки хохотали, увлеченные разговором. Это было такое необычное зрелище, что Мария готова была бежать за фотоаппаратом.

– Дома я такие виды ни за какие деньги не найду, – повторяла Айона, вытягиваясь в шезлонге.

Бонни посматривала на подругу. Ее длинные ноги делали ее похожей на танцовщицу. Бонни вытянула свои собственные и устроилась в шезлонге, почти касаясь Айоны.

– Да, природа тут неплохая, – согласилась она.

– Ты шутишь? Да здесь великолепно!

Бонни перевела взгляд на море и суetyщихся туристов на пристани. Их было слишком много, как всегда летом: они высаживались с парома ее отца, торопясь осмотреть «райский остров». Порой Бонни чувствовала себя будто в клетке зоопарка.

– Не могу поверить, что ты не замечаешь этой красоты! Вот если бы я здесь жила... – Бонни показалось, что пауза сделана специально для нее, – ...я бы никуда отсюда не уехала!

Бонни фыркнула.

– И ты бы не скучала? – Она показала в сторону материка.

Айона пожала плечами:

– Не думаю.

Бонни заметила между деревьев отца, который спускался на пристань к своему парому. Может, попробовать взглянуть на Эвергрин глазами Айоны? Бонни сомневалась, что это ей по силам. На острове было нечто такое, чего она инстинктивно не переносила.

– Очень любезно со стороны твоей мамы пригласить меня на ужин, – сказала Айона. – Когда никого не знаешь, это нелегко.

Бонни засомневалась, что ее подругу может что-то напрягать. Айона подалась к ней еще ближе и, несмотря на то что рядом никого не было, понизила голос:

– Мне не очень нравится в деревне. Там, где я остановилась, супруги какие-то странные, – она сделала гримасу и тут же улыбнулась.

У Бонни потеплело на душе, и она засмеялась. Как ей хотелось, чтобы Айона говорила еще, делилась с ней тем, о чем не расскажет больше никому! Подумать только, ведь Бонни даже не пыталась с ней подружиться! Она была так благодарна Айоне, что та выбрала именно ее.

Вместе с тем, с неприятным холодком в груди, Бонни осознавала – ей не хочется, чтобы Айона пришла на ужин и увидела ее семью. Ну почему матери вечно нужно все испортить? Вон она, опять не сводит с них глаз! Ждет, что старшая дочь что-нибудь выкинет, отчего она снова озаботится, что с Бонни что-то не так.

Бонни вновь улеглась на шезлонг, соображая, как отговорить Айону приходить. Мысль оставить новую подругу только для себя была очень соблазнительной.

Лицо Дэнни вытянулось, когда он вышел в сад и увидел за столом Айону. Мало им Джилл? К ней он уже немного привык, хотя, несмотря на многолетнее знакомство, Джилл почти ни словом не обмолвилась ни с кем из них, общаясь только со Стеллой.

Стулья сдвинули теснее – Бонни с Айонкой сидели практически вплотную. Дэнни переместился на другой конец стола, поближе к Стелле.

Айона щебетала высоким голосом, будто птичка, оживляя обстановку вокруг. Бонни хихикала, как маленькая. Это, конечно, лучше обычного недовольного нытья, но Дэнни удивило, что, если закрыть глаза, голоса Айоны и Бонни сложно различить.

На плечо легла мамина рука. Водрузив большое блюдо на середину стола, мама спросила Айону, любит ли она чили. Дэнни счел это довольно комичным – можно подумать, гостье есть из чего выбирать! Порой взрослые удивительно недогадливы.

Мама убрала руку, но не совсем, ладонью она едва касалась Дэнни, пытаясь без слов передать сыну: ты же не против гостии за ужином, милый?

Дэнни надеялся, что Айона так и продолжит трещать с Бонни, не обращая на него внимания. Он был бы счастлив, если бы она вообще не повернула головы в его сторону, хотя и понимал, что Айона не похожа ни на одну другую девушку. Однако она, вопреки его ожиданиям, в какой-то момент поглядела на него и улыбнулась. От нестерпимого жжения в груди Дэнни испугался, что его тут же вывернет прямо на стол.

Он твердо решил впредь избегать Айону, хотя эта мысль ему отчего-то не понравилась.

Мария, наблюдая за детьми со стороны, спохватилась, что могла бы и догадаться, как неловко будет Дэнни. Увидев, как сын пододвинул стул ближе к Стелле, она поняла, что совершила ошибку. То, что хорошо для одного ребенка, совершенно не годится для другого. На глаза навернулись слезы при виде ее троих детей, таких невероятно разных, и в самой глубине души Мария пожалела, что они не все такие, как Стелла.

Не в первый раз ее посетило сомнение, правильно ли они сделали, перебравшись на Эвергрин. Тихая гавань порой начинала душить, и тогда Марии казалось, что остров становится для них ловушкой.

К концу лета она узнает, был ли переезд ошибкой. Рано или поздно правда всегда находит тебя, в какую глушь ни заберись.

Настоящее

Глава 8

Журналистка улыбается, когда я с изумлением смотрю на нее в ответ.

– Вы меня не узнаете, но я и не ожидала другого. Мы общались всего одно лето, а потом вы все как в воду канули.

Я склоняю голову набок, вглядываясь. Есть что-то неуловимо знакомое в ее узком лице с россыпью веснушек на носу и гладких темных волосах.

– Фрея Литтл, – подсказывает она. – Наша семья приехала в начале лета, а вы уехали в конце августа.

– Помню, – говорю я. – У вас было два брата, и, кажется, их имена тоже начинались на «Ф»!

– Фредди и Фрэнки. Смешно, правда? – расплывается в улыбке Фрея. – Вы собирались поесть?

Я киваю, повернув голову в сторону кафе.

– Давайте сперва погуляем, – предлагает Фрея и неторопливо направляется туда, откуда я только что пришла.

– Даже не верится, что спустя столько времени вы меня узнали, – говорю я, идя рядом с ней.

– Как только вы представились, я увидела, что вы почти не изменились, – отзывается она. – Волосы, например, те же.

Я тронула концы волос длиной чуть ниже плеч.

– Сейчас они гораздо короче, – возражаю я. – В детстве были до пояса.

– Вы знаете, что я восхищалась вами? – неожиданно спрашивает Фрея.

– Это отчего же?

– Вы всегда казались такой уверенной в себе, уверенной во всем на этом острове. Это не имело отношения к заносчивости, просто было понятно – вы точно знаете, что должны быть здесь. С другой стороны, с нашей семьей все было определенно иначе. – Фрея хмурится. Свернув с аллеи, она направляется к пляжу сбоку от пристани.

– Что вы имеете в виду? – Я, задумываясь, присаживаюсь на скамейку с видом на остров Браунси.

– Маме решительно все не нравилось с того дня, как она ступила на этот берег, и все мы страдали от этого. Да, многим она могла казаться излишне шумной, но ведь нам даже не дали возможности освоиться, устроив настоящий бойкот! Местные жители сообща приняли решение, что нам здесь нет места. Все они составляли единый клан, и думать было нечего попасть в здешнее общество.

Я поднимаю глаза, продолжая смотреть на воду. Слова Фреи не совсем совпадали с тем, что я помнила.

– Однако теперь клан разваливается, – продолжает Фрея, пристально глядя на меня. – Появились трещины, хотя кое-кто по старинке держится вместе. Но это моя история. – Она делает паузу. – Ваша-то куда интереснее. Стелла, отчего ваша семья уехала отсюда тем летом?

Я смотрю вниз, на свои судорожно сжатые на коленях руки, с усилием расцепляю пальцы и плотнее запахиваюсь в пальто. Неужели Фрея действительно считает, что это простой вопрос, или ее интуиция журналистки подсказывает, что как раз наоборот?

– Папа нашел другую работу, а нам нужны были деньги, – автоматически выдаю я давно заученный ответ.

Фрея кивает, будто обдумывая услышанное. Больше она не спрашивает, хотя ответ ее очевидно не устроил. Скорее она просто решает выждать.

– Теперь вы увидели свой дом в новостях. Должно быть, испытали настоящий шок?

– Так и было, – вырывается у меня.

– За этим вы и вернулись – найти какие-то ответы?

– Допустим.

– Здесь вы узнаете не больше, чем из новостей. Официального заявления не последует, пока эксперты не закончат работу.

– Думаете, полиция уже что-то выяснила? – интересуюсь я.

Не ответив, Фрея продолжает:

– На Эвергрине не так легко добиться правды – чаще вопросы только множатся. Хотите мое мнение? – Я охотно киваю, потому что мне проще слушать, чем отвечать. – На острове знают, чьи это останки, но предпочитают молчать.

– Вы имеете в виду кого-то конкретного? – прямо спрашиваю я, глядя на нее в упор и сожалея, что не могу стереть неизменную улыбку с ее лица: Фрея точно насмехается надо мной.

– Пока не выяснила, но, будьте уверены, узнаю. Слишком многие из местных как закрытые книги; если на них надавить, хотя бы одна откроется.

Неловко двинувшись на скамейке, я отворачиваюсь к морю. Я понимаю, что тело закопал кто-то из островитян, но мне еще тревожнее оттого, что это может быть тот, кого я знаю.

– У вас были старшие брат и сестра, – вспоминает Фрея. – Они не приехали?

– Нет, – отвечаю я. – У Бонни семья, о которой нужно заботиться.

Я не стала пояснять, что не сообщала сестре, куда отправилась. Я должна позвонить ей и все объяснить.

– И Дэнни, – Фрея будто случайно припоминает имя моего брата. – Я жалела его. Он был одиночкой, таким замкнутым, а дети бывают жестокими. – Она замолкает, а я думаю о том, что Фрея тоже находилась на пляже во время общей ночевки, когда поднялась суматоха. – Как у него дела?

Я не хочу говорить ей, что не видела брата восемнадцать лет, что долго страдала из-за его отъезда и что я прекрасно знаю, какими жестокими были местные дети, а я недостаточно защищала брата.

– Дэнни довольно давно уехал, – сухо отвечаю я. – Мы не поддерживаем связь.

Фрея кивает.

– Значит, полиция к вам уже наведлась? – уточняет она.

– Почему вы задаете столько вопросов? – не выдерживаю я. – Я для вас материал для очередной статьи?

– Нет, вовсе нет. Ну, во всяком случае, пока нет, – с улыбкой добавляет Фрея. – Расслабьтесь, Стелла, я расспрашиваю не для статьи. Очевидно, что об останках вы знаете не больше моего. Вы вернулись на остров выяснить правду? Так ведь и я здесь за тем же.

– Тогда отчего такой интерес именно ко мне?

– Вы можете оказаться небесполезной, – заявляет она, развернувшись ко мне. С самого начала разговора Фрея присвоила себе ведущую роль, и язык тела подтверждает – сознательно. – Но это зависит от того, насколько вы готовы в этом участвовать, – она показывает в направлении полицейского тента.

– Не понимаю, какой от меня толк.

– Вы можете говорить с теми, кто не желает говорить со мной. У вас было бы больше шансов, чем у меня.

– С чего вы взяли?

Фрея смеется.

– Вы знаете большинство из них, вашу семью здесь когда-то любили. Послушайте, островитяне захлопывают двери перед моим носом, но охотно заговорят с вами. А взамен, – продолжает она, не давая мне ответить, – я расскажу вам пару любопытных деталей.

– Например? – спрашиваю я. – Вы же сами сказали, что ничего не знаете!

– Могу рассказать, кто больше других заинтересовал полицию. К кому приходили не один, а несколько раз.

Я медленно киваю.

– У вас уже есть вопрос?

– Как по-вашему, что выяснили эксперты? Вы говорите, что официальное заявление будет, когда они закончат работу. Уже установили, сколько тело пролежало в земле?

– Как раз это патологоанатомы устанавливают сразу, – снисходительно отвечает Фрея. – Я думаю, полиции уже известно, чьи это останки.

Я невольно выдыхаю.

– Так почему они не говорят? В новостях ничего не было.

Она пожимает плечами:

– Видимо, решили не будоражить общественность. Или «дожать» причастных неизвестно.

Я содрогаюсь, плотнее запахивая пальто. Мне отчаянно хочется знать, кого нашли за нашим садом, но я не доставлю Фрее удовольствия, задав вопрос. Сунув руки в карманы, я нащупываю телефон, и мне вдруг очень хочется позвонить Бонни. Отчего-то вспомнилось, что внимание детективов привлекли мои бисерные браслетики.

В списке, который я им отправила, было пять девочек, включая меня: Джилл, Бонни, Тесс Карлтон, Эмма Фишер. Кто же из нас мог быть причастным к этому делу? Впервые я чувствую, что не должна была возвращаться сюда. Я не желаю ввязываться в игры с журналисткой – я ей не доверяю, и все же ловлю себя на том, что спрашиваю:

– Вы сказали, что к некоторым жителям острова полицейские приходили несколько раз?

Фрея кивает.

– К кому же?

– К Сюзен Карлтон, Энни Уэбб и Бобу Тейлору. Помните таких?

– Да, – с усилием выдыхаю я. Лучшая подруга моей матери, наша названная тетка и отец Джилл. – А почему полиция ими интересуется, не знаете?

– Нет, – отвечает Фрея с коротким смешком. – Может, с ними вам в первую очередь и поговорить?

– Я не очень хочу в это вмешиваться, – признаюсь я. – С чего вы взяли, будто я выясню что-то полезное? Если детективы не смогли из них ничего вытянуть, у меня и подавно не выйдет. И вообще, их могли опрашивать по другому поводу.

– Безусловно, но давайте посмотрим правде в глаза: у нас с вами, Стелла, накопились вопросы, и ваши, по-моему, куда серьезнее, чем вы хотите показать.

Я впираюсь в нее взглядом.

– Тело найдено в вашем саду, – продолжает журналистка. – Именно поэтому вы и вернулись.

– Не в саду, а за садом, – я повышаю голос и поднимаюсь, взбешенная ее предположением.

– Хорошо, на границе сада, – поправляется Фрея и оглядывается. – Погодите, – она хватая меня за руку, перегнувшись через спинку скамейки. – Простите меня, я веду себя некорректно. Это издержки моей работы. Пожалуйста, простите! – упрашивает она, опуская руку. – Я не имела в виду ничего такого. Может быть, поговорим завтра?

Я пожимаю плечами и достаю мобильный.

– Мне нужно идти, – бурчу я. – Я должна позвонить сестре.

Фрея качает головой:

– На острове нет мобильной связи.

Я смотрю на экран и кто бы сомневался действительно не вижу признаков связи. Гляжу на него еще секунду и, глубоко вздыхая, отправляю телефон в карман. Раньше я искренне не считала Эвергрин изолированным, но сейчас мне становится как никогда одиноко.

Глава 9

Вернувшись в деревню, я направляюсь в кафе. Едва я распахиваю дверь, меня охватывает волна теплого воздуха. Девушка за стойкой приветливо улыбается. На вид ей не больше пятнадцати, темно-русые волосы собраны в хвост. Вытирая руки о ярко-розовый передник, она обращается ко мне:

– Чем я могу вам помочь?

– Горячий шоколад, пожалуйста, и что-нибудь поесть. – Взглянув на грифельную доску за ее спиной, я останавливаю выбор на сэндвиче с курицей и майонезом.

– Присаживайтесь, а я сейчас принесу, – говорит она, указывая на пустые столики. Из посетителей кроме меня в кафе лишь две девушки: устроились у окна, на высоких стульях и посмеиваются над чем-то.

Я выбираю столик с краю.

– У вас тихо, – произношу я, оглядывая кафе. Девушка, выкладывая большую ложку измельченной курятины на ломоть хлеба, кивает:

– Так и есть. – И без промедления продолжает: – Вы тоже здесь из-за трупа?

Такая прямота шокирует меня, и я непроизвольно перевожу взгляд на посетительниц, которые уже не хихикают, но по-прежнему кажутся увлеченными разговором.

– Думаю, вы либо из полиции, либо из прессы, – предполагает девушка. – С прошлой субботы других клиентов у нас нет.

– Я ни то, ни другое, – заверяю я.

– Да? – Она вытирает руки маленьким полотенцем, выходя из-за стойки с моим сэндвичем. Поставив тарелку передо мной, она медлит. – Тогда что вы здесь делаете?

– На самом деле я здесь жила. Много лет назад.

– О, здорово! Может, вы знали мою маму?

Я вопросительно склоняю голову набок.

– Эмму Фишер. Она прожила здесь всю жизнь. Раньше ее звали Эмма Грей.

– Да, я помню Эмму, – отвечаю я.

Грей была на три года старше меня, ровесница Дэнни.

– Мы живем вон там, в террасных домах, – оживает девушка. – В доме номер два. Обязательно зайдите ее поведать.

– Но... – нерешительно начинаю я, пытаюсь вспомнить об Эмме хоть что-нибудь, кроме того, что она значится в моем списке обладательниц бисерных браслетов.

Молчаливая, тихая девочка. Я никогда не знала, о чем с ней говорить. Ее родители тоже держались особняком.

– Она, как и я, жила в деревне, – говорю я, припоминая, что у Эммы были длинные светлые волосы длиной до середины спины, очень ровно, как по линейке, подстриженные.

– Дедушка с бабушкой до сих пор живут на старом месте, в доме номер восемь.

– Значит, твоя мама не уезжала с острова?

– Нет. Когда она познакомилась с папой, он перебрался сюда, и они прожили здесь несколько лет, прежде чем расстались, когда мне было пять, и отец вернулся на материк. С тех пор мы с мамой живем вдвоем. – Девушка, улыбнувшись, возвращается за стойку, чтобы приготовить мне горячий шоколад.

– А как же ты? – спрашиваю я, когда она снова подходит. – Тебе нравится жить на острове?

– Вы говорите совсем как журналистка!

– Прости.

Она качает головой:

– Все нормально. Меня это не раздражает, как многих островитян.

Она ставит передо мной большую кружку с шоколадом. Я благодарю и без паузы продолжаю:

– Что вы имеете в виду?

– Местные терпеть не могут, когда вмешиваются в их жизнь. Я не знаю, они словно все вдруг почувствовали себя виноватыми. Мама говорит, что при виде полицейского на пороге любому станет казаться, будто он что-то натворил.

Я понимающе киваю.

– Пожалуй, она права, – продолжает девушка, – хотя маму еще не слишком часто донимают. Во всяком случае, именно поэтому все теперь сидят по домам. – Она закатывает глаза. – Островитянам рекомендовано избегать общения с прессой, и поэтому они решили, что лучше будет совсем спрятаться. А вам? Вам нравилось жить на острове?

– Да, – улыбаюсь я. – Очень нравилось.

– А мне достается лучшее из обоих миров, – она сияет, – помимо острова, я провожу много времени на материке, с отцом. Папа говорит, здесь как в закрытой банке. Да и некоторые из моих друзей тоже терпеть не могут Эвергрин.

– И моя сестра не любила, – признаюсь я. – Не могла дожидаться, чтобы покинуть остров навсегда.

– Поэтому вы и уехали?

Я качаю головой.

– Нет, просто отец нашел работу в Винчестере. Кстати, я Стелла.

– А я Мэг, – улыбка озаряет ее лицо. – Что касается вашего предыдущего вопроса – да, мне здесь нравится. По крайней мере, я так думаю. Когда нашли труп, тут такое началось! – продолжает Мэг, присаживаясь напротив. – Понимаете, все терялись в догадках, чьи это останки. Только об этом и говорили, и было заметно, что люди смотрели друг на друга с подозрением. Мама сказала, что я не должна никому доверять, но мне кажется, это она сгоряча. Ведь я знаю этих людей всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.